

РОМАН, ПРОБУЖДАЮЩИЙ СЕРДЦА

ПРАВА НА ПЕРЕВОД РОМАНА ПРОДАНЫ В 14 СТРАН МИРА

КРУШЕНИЕ

ЭМИЛИ БЛИКЕР

Роман, пробуждающий сердца

Эмили Бликер
Крушение

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Бликер Э.

Крушение / Э. Бликер — «Эксмо», 2015 — (Роман, пробуждающий сердца)

ISBN 978-5-699-99468-7

Этот роман, мастерски воздействующий на самые потаенные чувства читателя, способен вызвать столь мощную волну сопереживания, что по праву считается одной из самых проникновенных книг года. Это бестселлер, покоривший десятки стран мира. Это история, пробуждающая сердца... Лиллиан Линден – лгунья. В глазах общества она – отважная женщина, выжившая после крушения самолета. Но она лжет – своей семье, своим друзьям и всему миру – с тех самых пор, как спасательный вертолет унес ее и еще одного выжившего, Дейва Холла, с необитаемого острова в Тихом океане. Лжет с тех самых пор, как они стали национальными героями и любимцами всевозможных ток-шоу. Общество восторженно внимает их рассказам. А они не в силах поведать людям свою настоящую историю... Однако тележурналистка Женевьева Рэндалл, «акула пера» со звериным чутьем на сенсации, собирается вывести эту парочку на чистую воду. И неважно, сколько жизней она при этом разрушит...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-99468-7

© Бликер Э., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1. Лиллиан	7
Глава 2. Лили – день первый	11
Глава 3. Дейв	15
Глава 4. Дэвид – день первый	18
Глава 5. Лиллиан	23
Глава 6. Лили – день первый	26
Глава 7. Дейв	35
Глава 8. Дэвид – день первый	38
Глава 9. Лиллиан	44
Глава 10. Лили – день второй	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Эмили Бликер

Крушение

Джо, моему мужу.

Ты мой лучший друг, мой наперсник и единственный человек в мире, с которым я согласилась бы оказаться на необитаемом острове.

Глава 1. Лиллиан

Настоящее

Иногда лгать оказывается необходимо. Иногда ложь – это единственный способ защитить тех, кого любишь, – думала Лиллиан, крутя обручальное кольцо на пальце. За последние восемь месяцев не прошло и дня, когда бы она не повторяла себе эти слова. И, может быть, сегодня ей наконец удастся в них поверить. *Единственный способ,* повторила себе Лиллиан, продолжая вращать простой золотой ободок – по одному обороту за каждую произнесенную ложь. Опять сбилась – в третий раз подряд – и придавила руку с кольцом бедром, подальше от соблазна. Если б ложь давалась ей с трудом, то она, наверное, смогла бы остановиться. Но лгать было так легко. Гораздо легче, чем говорить правду.

И не реви, повторила она себе строгим наставническим тоном. Хватит уже рыдать перед камерами. Она настроилась решительно – сегодня весь мир увидит ее сильной, а не опухшей от слез. Красная, зареванная физиономия – кому такое понравится? К тому же сегодня у нее на лице макияж – краска наложена везде, густо, как штукатурка. Столько косметики Лиллиан не извела за всю свою жизнь, а милая девушка по имени Жасмин прибавляла еще и еще, слой за слоем.

Наконец Жасмин извлекла откуда-то большой розовый аэрозольный флакон, вылила на волосы Лиллиан столько лака, что на нее можно было бы повесить объявление «Огнеопасно», – и, кажется, удовлетворилась результатом. По крайней мере, отойдя на два шага в сторону, она сначала воззрилась на объект приложения своих усилий, а потом пожалала плечиками, точно говоря: «Ну, вот, лучше уже все равно не сделаешь». Не самое ободряющее начало.

Когда визажистка упорхнула, Лиллиан еще посидела неподвижно, разглядывая свои темно-бордовые лакированные ногти и чувствуя себя так, словно играла в «переодевашки». В детстве она была «пацанкой», да и сейчас, став матерью двоих детей, не привыкла особенно задумываться о своей внешности, но слишком уж был велик соблазн притвориться другим человеком, хотя бы ненадолго. В конце концов, если прежнюю Лиллиан уже не вернуть, а свое теперешнее «я» она терпеть не может, то стать поддельной Лиллиан, может быть, и есть лучший выход.

Ее дом тоже преобразился в ожидании съемочной группы. Целую неделю она скребла и мыла сама, но потом, сдавшись, все же призвала себе в помощь наемных уборщиков, и те вылизали их двухэтажный особнячок в колониальном стиле до идеального блеска. Однако, как и следовало ожидать, ассистенты режиссера буквально с порога решили, что это никуда не годится.

В дом они ворвались едва ли не на рассвете. От волнения Лиллиан не смогла даже завтракать и только молча наблюдала, как один из них, напряженный, словно ищейка, носится по дому в поисках семейных фото, распространяя на каждом шагу крепкий запах табака и кофе. Разыскав в кабинете парочку антикварных кресел с откидными подлокотниками, они притащили их в гостиную и поставили по обе стороны от фортепиано Линденов, на крышке которого стратегически разместили все найденные в доме изображения семейства.

Сдувая уголок рта непослушную жесткую прядь, которая лезла ей в глаз, Лиллиан разглядывала композицию на пианино. Место цветочного гобелена, висевшего обычно над инструментом, занял семейный портрет из холла, а снимок Джерри и мальчиков перекочевал с ночного столика у кровати Джоша под бок к фото в серебристой рамке, на котором Лиллиан держала за ручки двух малышей с рюкзачками.

На этом снимке она казалась себе незнакомкой. Когда же это было? Три, а может, четыре года назад? Длинные темно-каштановые волосы обрамляли тогда ее лицо, от улыбки – естественной, а не наигранной, – ярко сияли изумрудные глаза. Кожа была настоящего сливочного оттенка, а носик присыпан мелкими точками веснушек, точно корицей. Если б сейчас Лиллиан встретила себя прежнюю на родительском собрании, то непременно пригласила бы выпить кофе с мороженым и вообще захотела бы с собой дружить. До того у той женщины на фото был счастливый вид.

Лишь два снимка отделяли его от семейного портрета из холла второго этажа. Портрет сделали всего пару месяцев назад, когда Джерри вдруг пришло в голову, что они не снимались все вместе с тех пор, как... ну, в общем, с самого ее возвращения. Джерри сам выбирал конечный вариант из предложенных фотографом кадров, потому что Лиллиан не хотелось даже смотреть на них. Все вышли ужасно. Мальчики точно одеревенели в своих одинаковых галстучках, а рука Джерри маячила где-то возле ее бока, будто он никак не мог решить, прикоснуться к ней или не стоит. И вот теперь все это будут показывать по национальному телевидению. Все увидят двух разных Лиллиан, бок о бок: ту, что была до, и ту, что появилась после. Та, которая после, состригла свои длинные волосы, так что пряди уже не обрамляют лицо. Ее улыбка стала напряженной, вымученной, а глаза утратили прежнюю изумрудную яркость, приобретя оттенок тусклого нефрита.

Лиллиан представила себе, как она подходит к пианино и, размахнувшись, одним движением сбрасывает на пол все фотографии. Все до единой. И как они сначала грохочут, а потом кучей битого стекла и глянцевой бумаги тихо лежат на полу. Прикусив верхнюю губу, она с трудом прогнала непрошенную улыбку. Даже просто подумать о таком, и то было приятно, но последнее, что ей было нужно сейчас, это привлечь к себе еще больше внимания.

Чтобы отвлечься от мыслей о разрушении, Лиллиан перевела взгляд со сверкающих рамок и улыбающихся из них лиц на поверхность пианино и сосредоточилась на поиске пыли. Красное дерево притягивало ее к себе, точно магнит, а в комнате еще и сейчас не полностью выветрился запах апельсинового масла, которым она его натерла. Лиллиан любила этот инструмент. Она практически вынудила Джерри купить его прямо перед рождением Джоша. Он смеялся над ней, ведь никто из них не мог взять на нем и единой ноты, но она стояла на своем. Инструмент был не для них, а для ребенка, который рос у нее внутри – сначала для Джоша, потом для Дэниела.

Лиллиан покачала головой. Не удивительно, что молодая мама на фото улыбается так безмятежно. Она еще не знает, что иногда жизнь делает за нас совершенно непредсказуемый выбор. Глупая жизнь.

Входная дубовая дверь с грохотом отворилась, и Лиллиан подпрыгнула в своем кресле. Очень высокая и тонкая в кости женщина в костюме цвета загара вошла в дом так неприужденно, словно жила здесь всю жизнь. Лиллиан, не отрываясь, следила за каждым ее движением. Это лицо она узнала бы где угодно: длинный узкий нос, высокие скулы, впалые щеки, ровно постриженные волосы цвета золотистой соломы лежат на голове неподвижно, точно шлем, а глаза такие светлые, как будто их голубизну разбавили молоком. Все это могло принадлежать только одному человеку – Женеьеве Рэндалл из «Хедлайн ньюс». Раньше Джерри и Лиллиан каждую пятницу смотрели ее программу, шутливо споря о том, настоящие те истории из «реальной жизни», которые мисс Рэндалл выводила на большой экран, или нет. Кстати, сама она в реальной жизни оказалась еще хуже, чем на экране.

«Класс. Значит, камера и впрямь прибавляет десять фунтов». И Лиллиан втянула округлившийся над ремнем животик.

Кто-то из съемочной группы подошел к знаменитой телеведущей со спины, пропустил под пиджак и блузку провод микрофона, вынул спереди и аккуратно прикрепил микрофон на лацкан. Лиллиан поразила, как спокойно Женеьева Рэндалл отнеслась к тому, что чьи-то

руки шарят по ее телу под блузкой. Она сидела и перебирала свои карточки с заметками так, словно ничего не происходило. Когда с микрофоном было покончено, она просто одернула пиджак и расправила шелковые рюши на блузке, глядевшие в треугольник между лацканами. Прихватив еще какие-то бумаги, лежавшие поодаль, сложила их перед собой в аккуратную стопку – и только тогда устремила на Лиллиан свой взгляд призрака.

Той на миг показалось, будто журналистка смотрит сквозь нее, точнее, заглядывает прямо ей внутрь и видит все до единого секреты, спрятанные в ее памяти. Лиллиан даже захотелось обхватить себя руками за плечи, чтобы хоть так отгородиться от этого взгляда-рентгена.

– Миссис Линден, – окликнула ее Женестьева Рэндалл с дальнего конца комнаты, и ее голос эхом отозвался в двухэтажном лестничном пролете. – Так приятно видеть вас лично. Спасибо, что согласились поговорить с нами сегодня. – Красные каблуки ее «лодочек» зацокали по деревянному полу, когда она двинулась через гостиную ко второму антикварному креслу, которое стояло напротив Лиллиан.

«Откуда Женестьева Рэндалл меня знает?» – ненадолго удивилась Лиллиан. Потом вспомнила: все на свете теперь знают, кто такая Лиллиан Линден. Последние два года ее лицо буквально не сходит с экранов телевизоров – факт, к которому сама Лиллиан так и не сумела привыкнуть.

Женестьева Рэндалл опустилась в кресло легко, как перышко, и немедленно заняла обычную позу интервьюера: прямая спина, расслабленные плечи, широкая улыбка.

– Для меня большое удовольствие познакомиться с вами, миссис Линден, – сказала журналистка и протянула ей длинную костлявую ладонь.

– Взаимно, – прошелестела Лиллиан, выдавив из себя нервную улыбку, и пожала холодную руку, надеясь, что ее загрубелые пальцы не оцарапают нежную, как у младенца, кожу мисс Рэндалл.

– Я была в восторге, когда мой продюсер дал добро на этот проект. – Мисс Рэндалл скромно сложила руки на коленях, поверх стопки бумаг. – Я с самого начала слежу за вашей историей. И теперь мне просто не терпится услышать обо всем, что с вами приключилось, из ваших уст.

– Да, спасибо, что пришли. – Лиллиан пошевелилась в кресле.

– Нет, это вам спасибо, что приняли нас. Через пару минут начнем. И, пожалуйста, помните: во время интервью вы должны чувствовать себя совершенно непринужденно. Представьте, что мы – две подруги, которые встретились поболтать за чашечкой кофе. О'кей?.. Помните список вопросов, который я вам присылала? Их я и буду придерживаться, так что никаких сюрпризов. Все, что мне от вас нужно, – это как можно больше подробностей при максимальной точности ответов. Как, по-вашему, справитесь? – Женестьева улыбнулась, сверкнув столь многократно отбеленными зубами, что они уже стали почти прозрачными.

– Я... я постараюсь. – Пот каплями выступил на лбу Лиллиан, грозя потечь и разрушить ее маску из макияжа.

– И вы, конечно, понимаете, что это эксклюзивное интервью? То есть, подписав контракт с нами, вы уже не можете принимать ничьих предложений.

– Очень хорошо понимаю. – Лиллиан прикусила щеку. Эксклюзивность контракта как раз и была той единственной причиной, которая убедила ее согласиться на это интервью. В последнее время вся ее жизнь превратилась в сплошное медийное колесо, а эта маленькая оговорка обещала из него выход. Всего одно интервью – вот это, самое последнее, – и она свободна.

– Отлично. Ну, значит, с юридическими вопросами покончено. – Женестьева оглянулась. – А где ваш муж, миссис Линден? Где Джерри? Я надеялась поговорить и с ним, когда мы с вами закончим.

– Он наверху, готовится. – Лиллиан поднесла было ко рту большой палец, чтобы вцепиться зубами в ноготь, но вовремя остановилась, вспомнив про лак. – Я сказала, что ему не обязательно присутствовать постоянно. Так будет легче и ему, и мне.

– Конечно, разумеется. Речь ведь пойдет о вас. Все, что хорошо для вас, хорошо и для меня. А дети? – Красный кончик короткого толстого маркера «Шарпи» стукнул о ее передние зубы, пока она проглядывала записи.

– У соседей, – сказала Лиллиан, прищурившись. – Мне казалось, я ясно дала понять, что против их участия. – Парнишкам и так уже досталось. С ними больше никаких интервью. Они с Джерри уже давно так решили.

Женестьева подняла глаза от своих записей.

– Нет, нет, я просто подумала, что мы могли бы снять вас всей семьей, в конце, вот и всё. Не волнуйтесь, Лиллиан, никаких вопросов.

– Ладно, снимок можно, но только один. – За последние годы фотографии стали для Джоша и Дэниела привычным делом. Так что мальчишки, может, и не заметят еще одного дядьку с фотоаппаратом, суетящегося где-то в отдалении.

– Так, я почти готова, – бросила Женестьева человеку в наушниках. – Мои вопросы, Ральф.

Молодой парень с волосами цвета белой дорожной пыли и в очках в толстой черной оправе – тот самый, который собирал по дому фотографии, – подбежал к журналистке и встал, опустив глаза в пол, точно рядовой пес, заискивающий перед своей альфой. Это был практикант. Женестьева не глядя сунула ему несколько измятых листков, покрытых чернильными каракулями, и продолжала перелистывать карточки.

– Просмотрите это со Стивом, и начнем, – приказала она. Молодой человек тут же скрылся. Интермедия произвела на Лиллиан впечатление.

После проверки звука снова прибежал Ральф, помог Женестьеве с микрофоном и позвал Жасмин, еще раз подправить макияж обеим женщинам перед началом, хотя Лиллиан была уверена, что если кому-то и надо что-то подправить, то исключительно ей. Затем все вокруг замерли, словно неживые, и только Женестьева продолжала двигаться. Пригладив свои и без того идеально гладкие волосы, она сказала:

– Мотор. – Заработали камеры. – Пять, четыре, три, два, один... интервью с Лиллиан Линден.

Глава 2. Лили – день первый

Фиджи

Двери легко скользят в стороны, и влажная жара – обычная для Фиджи – вползает в здание крошечного аэропортика, смешиваясь с застоявшимся кондиционированным воздухом. Я делаю глубокий вдох. Запах искусственной прохлады, утекающей в разгоряченную атмосферу, видимо, одинаков повсюду на земле.

– Ах, Лиллиан, ты только посмотри на нас, какие мы с тобой стали завзятые авиапутешественницы. – Маргарет просовывает свою пятнистую от старости руку в сгиб моего локтя и увлекает меня за собой, к крошечному самолетику, который уже появился на горизонте. – Жалко, что ты не надела что-нибудь более... подходящее случаю.

Там, на курорте, я натянула поверх купальных плавок шорты из старых обрезанных джинсов и накинула легкую зеленую футболку буквально за пару минут до появления приехавшего за нами лимузина. Я еще не успела сунуть ноги в свои дряхлые «найки», а коридорный уже закидывал в корзину мой багаж. Здесь, на Фиджи, никому, кроме Маргарет, и в голову не придет заботиться о том, кто как выглядит. Я могла бы хоть голая пройти по всему пляжу из конца в конец, никто бы и глазом не моргнул; только мальчишки-разносчики напитков, может, спросили бы, не хочу ли я новый коктейль.

На Фиджи мы уже неделю, и за это время я палец о палец ни разу не ударила; даже мою собственную сумку, и ту носили за мной другие люди. Похоже, весь здешний обслуживающий персонал получил строжайшие указания обхаживать нас так, будто мы кинозвезды. При том что еды здесь просто дикое количество, а физической нагрузки явно не хватает, домой я вернусь, потолстев фунтов на двадцать, не меньше.

– Извини, Маргарет, это все, что у меня было чистого. Никто не предупредил меня про дресс-код.

– Дресс-код здесь ни при чем, речь идет об элементарном самоуважении. Если ты не можешь хорошо выглядеть ради себя, то хотя бы обо мне подумай. Тебе что, трудно было подкраситься немного или хотя бы прическу какую-нибудь сделать? – И она легко оглаживает рукой собственную шевелюру, точно демонстрируя, сколько именно труда надлежит вкладывать в свою внешность. – У тебя такая хорошенькая мордашка, почему же ты не даешь остальным полюбоваться ею?

С десятков резких ответов уже готовы сорваться у меня с языка, но я молчу. Я всегда молчу.

– У меня в сумке есть кое-что из косметики. Накрашусь, когда сядем в самолет, если тебе так будет приятнее.

Ее прямо передергивает, когда она бросает взгляд на мой затасканный синий рюкзачок, который я ношу вместо дамской сумки еще с колледжа. Дома у меня целый чулан забит сумками, которые за девять лет нашей совместной жизни с Джерри подарила мне Маргарет – наверняка в надежде соблазнить меня бросить мою старую спортивную развалюху. Иногда я даже ношу что-нибудь из них, в особых случаях, но никогда при Маргарет; таков мой сверх-пассивно-агрессивный способ показывать, что я уже не маленькая девочка, а она – не моя мама.

– Да, дорогая, спасибо. – И ни словечка о моей сумке на этот раз – потрясающе! – Надеюсь, сделав это для меня, ты обнаружишь, что тебе и самой приятно. – И она с таким чувством треплет меня по руке, что я проглатываю уже заготовленный ответ. Что с каждым разом становится все труднее.

Роскошь явно пришлась Маргарет по вкусу. Хотя в жизни ей всякого пришлось повидать – ее муж, помощник шерифа в провинциальной Айове, умер очень рано, оставив ее молодой вдовой, так что она привыкла делать покупки исключительно на распродажах и со страстью коллекционировать купоны на скидки. А тут, гляди-ка, за какую-то неделю в совершенстве овладела искусством небрежно кивать коридорному на чемоданы и одним касанием пальцев опускать чаевые ему в ладонь...

Сегодня она вся в белом, а ее наряд по стилю напоминает начало восьмидесятых. В таком костюме хорошо ходить на званый ланч с подружками, а не летать в самолете, но Маргарет явно считает его последним писком моды. Во всем остальном она выглядит и вправду очень мило. Волосы нарядным облачком цвета сливок с медом окружают ее голову, огромные очки от солнца блестящей бабочкой присели на нос. Каждый раз, когда она улыбается, матовый блеск заботливо наложенного поутру макияжа нарушают маленькие морщинки.

– Ну, вот мы и на месте. – Маргарет тяжело переводит дыхание.

Вблизи самолетик выглядит уже не так впечатляюще. Вдоль его корпуса тянется красно-синяя полоса, отчего он кажется мне похожим скорее на киношный реквизит, чем на настоящую машину, которая через считанные минуты поднимет нас в воздух. К тому же он маленький, такой маленький, что я только диву даюсь: неужели реактивные самолеты бывают такими? Всего три иллюминатора разделяют его хвост и кабину пилота; ничего, похожего на отсек для багажа, и близко не видно.

В программе на день, которую нам сегодня утром просунули под дверь, написано, что на борту этого самолета мы проведем четыре с половиной часа. С нами полетит какой-то тип из «Карлтон йогурт», он и устроит нас на этом «частном острове». Четыре часа в обществе свекрови и незнакомого человека! Как я это выдержу? Придется, наверное, позаимствовать у Маргарет одну из ее волшебных снотворных пилюль.

Чтобы попасть в крошечный серый самолетик, надо подняться всего по трем ступенькам. Маргарет идет первой, я не возражаю. В конце концов, это ведь ее каникулы, так что я следую в арьергарде. Такой расклад устраивает нас обеих: она почти всегда получает, что хочет, а я не спорю – так спокойнее.

Когда она позвонила нам и сообщила, что выиграла поездку на Фиджи на двоих, да еще бесплатно, я ей не поверила. Решила, что какой-нибудь спорый на язык коммивояжер навешал ей лапши на уши. Маргарет живет в четырех часах езды от нас, в доме для престарелых в Черт-те-Где, штат Айова, и она единственный человек в мире, который еще верит телемаркетингу.

Нет, я вправду люблю Маргарет, но по-своему, и это не значит, что с ней легко. До приезда на Фиджи я думала об этих каникулах примерно так же, как о посещении гинеколога: неприятно, но нужно. Однако Джерри решил, что в моем круглосуточном труде в должности жены и матери мне необходим перерыв, а Маргарет сочла, что недолгая разлука нас «только сблизит» – так что пришлось поехать.

И хорошо, что я их послушала. Фиджи – это чистый рай, и даже компания Маргарет его не портит. Не знаю, в чем дело – в исключительной ли погоде или во всепроникающих цветочных ароматах, на которых настоян здешний воздух, только здесь мы – и я, и она, – как-то изменились. Без Джерри и мальчиков Маргарет почти позабыла надоедать мне советами о том, как стать превосходной женой и матерью. А я смогла расслабиться и насладиться пребыванием в земном раю так, как и не подозревала, что у меня получится.

Пригнув голову, я ныряю в круглый дверной проем, огибаю какой-то угол и оказываюсь в салоне. Первое, что я вижу, – пять безупречных кожаных кресел, два в затылок друг другу вдоль каждой стороны прохода, и одно в хвосте, посередине. Маргарет протискивается мимо стюардессы, которая бесшумно что-то делает в передней части салона, и направляется ко второму ряду. На спинке каждого кресла есть телеэкран, а закусок и напитков столько, что

хватило бы на всю детсадовскую группу Дэниела разом. Похоже, я и тут ошиблась. Путешествовать будем с шиком. В смысле, еда и телевизор. Такие каникулы мне нравятся!

Зря я не поверила Дженис, представительнице фирмы «Карлтон». А ведь она с самого начала твердила нам, что вторая половина нашего отдыха будет просто изумительной. Сама Дженис никогда не бывала на Адьята-бич. Обычно и туда, и на Фиджи ездит ее босс, но на этот раз его на неделю задержали в офисе компании какие-то дела. Когда об этом стало известно, то весь отдел по связям с общественностью тянул жребий, кто поедет вместо него, и выиграла Дженис. Я огорчена, что теперь она не с нами, но Дженис говорит, что ее босс – нормальный парень. Нормальный-то нормальный, только вряд ли он будет смешить меня так, как Дженис, – с ней мы просто животики от смеха надрывали. Зато она дала мне свой электронный адрес, так что мы сможем переписываться.

– Прошу прощения, мисс, не принесете мне, пожалуйста, водички? – кричит Маргарет стюардессе и плюхается на сиденье.

– Маргарет, – шепчу я, – я сама принесу.

– Нет, дорогая, это ее работа. Пусть она ее и делает, – отвечает свекровь во весь голос, так что мне хочется провалиться от смущения.

Высокая рыжеватая блондинка идет к нам по проходу. Чуть заметные складочки у рта и в уголках глаз лишь подчеркивают добродушие, которое выдает ее голос.

– Здра-авствуйте, дорогуши, что для ва-ас? – Протяжный акцент выдает в ней уроженку юга.

– Не могли бы вы принести мне воды, желательно из бутылки? Безо льда. Полстакана. – Маргарет умолкает, видимо, что-то обдумывая. – Надеюсь, вода уже охлажденная?

– Конечно.

– Вот и хорошо. Лиллиан, скажи этой милой женщине, что ты хочешь.

– Ничего, спасибо. – Меньше всего на свете мне хочется сейчас усложнять стюардессе жизнь. Для этого у нее есть Маргарет.

– Тогда ей то же, что и мне, – приказывает свекровь так властно, что у меня не хватает духу спорить.

Пока стюардесса, грациозно покачиваясь на ходу, возвращается в начало салона, я сую руку в передний карман моего рюкзака, тот, что под молнией. Это книжный карман. В него отлично входит любой роман, ну, кроме некоторых русских, конечно, – для них подходящего кармана еще не придумали. Я едва успеваю достать книгу и раскрыть ее на первой странице, как возвращается стюардесса.

Надо же, она либо ясновидящая, либо и впрямь знает свою работу лучше некуда. В руках у нее не только вода для Маргарет, но также запас салфеток, подушка и одеяло. Попроси у нее Маргарет луну с неба, она и то, наверное, не отказала бы; счастье, что та не просит. Положив освободившиеся руки на спинки кресел по обе стороны прохода, стюардесса обращается к нам обеим:

– Дамы, если вам что-нибудь нужно, обращайтесь. Меня зовут Тереза.

Маргарет только кивает – она слишком озабочена откручиванием безопасной крышки с бутылочки с лекарствами, чтобы отвечать по-человечески. Наконец, выбрав из радужной россыпи пилюль две белые, кидает их себе в рот, запивает водой и проглатывает. Этого ей хватит часа на три-четыре, не меньше.

– Большое спасибо. – Я изо всех сил стараюсь спасти положение. Тереза кивает – судя по всему, ей не обидно, а смешно.

– Полет у нас впереди ровный; так что выспитесь вы, как в своей постели. Доброго сна, милая, – воркует Тереза над Маргарет, потом поворачивается и протягивает мне вспотевшую ледяную бутылку. – Вот, а это вам, держите.

– Спасибо. – Я опускаю бутылку в расстегнутый карман рюкзака – на потом.

– Нет проблем, милая – это ведь и впрямь моя работа. – Ее глаза лукаво вспыхивают, и я понимаю, что она слышала слова Маргарет. – А вы пока посидите, расслабьтесь. Дейв будет с минуты на минуту, тогда и полетим.

– Дейв? – Имя почему-то кажется мне знакомым. – Это пилот?

Она качает головой; жесткие, как пшеничные колосья, пряди щекочут ей лицо.

– Нет, Дейв – это парень из компании «Карлтон йогурт». Не беспокойтесь, он славный, даже очень милый.

– Дейв Холл? – Кажется, Дженис так его называла.

– Да, мэм, он самый.

Глава 3. Дейв

Настоящее

В пять тридцать утра зазвонил телефон. Дейв, который еще лежал, блаженствуя между сном и бодрствованием, моментально открыл глаза при первых же пронзительных звуках. Сliš. Ком. Ра. Но. Телефон стоял на маленьком черном столике с его стороны кровати.

Он взглянул на жену: та крепко спала, черная атласная маска для сна и беруши на месте. Раньше Дейв думал, что так спят только героини кинофильмов, а потом повстречал Бет. Чьи требования к условиям для качественного сна оказались жестче, чем у принцессы на горошине. Сначала его это раздражало, но сейчас он находил ее привычки даже милыми.

Телефон зазвонил снова. Несмотря на беруши, Бет заворочалась и натянула на голову подушку, из-под которой тут же высыпались крутые золотистые кудряшки. Наверное, во всем солнечном Лос-Анджелесе не было другой кровати с таким количеством подушек и одеял, как у них с Бет. А все потому, что его жена, презрев увещания защитников окружающей среды и жалобы мужа, упорно поддерживала в их квартире температуру в шестьдесят пять градусов по Фаренгейту. Дейв встряхнул головой, разгоняя сон, и схватил трубку телефона, пока тот не заверещал снова.

– Алло, – просипел он шершавым спросонья голосом.

– Алло, я звоню Дэвиду Холлу. С ним можно поговорить?

Телемаркетер. Он тут же пришел в ярость.

– Сейчас пять часов утра, и я совершенно уверен, что не нуждаюсь в товарах, которые вы продаете. Пожалуйста, вычеркните мой номер из вашего списка и никогда больше не звоните сюда, – прорычал Дейв.

Но он не успел положить трубку, как голос продолжил:

– Сэр, пожалуйста, подождите. Я звоню вам по просьбе Лиллиан Линден.

Дейв замер, затем снова прижал к уху трубку.

– Что вы сказали? – Его сердце учащенно забилося, на смену утихающей ярости пришло любопытство.

– Э-э... я из «Хедлайн ньюс». Мне нужно передать вам кое-что от Лиллиан Линден. – Голос был очень молодой, звонивший явно нервничал.

Дейв повернулся на бок и медленно сел, не отнимая трубки от уха. Он вздрогнул, коснувшись деревянного пола босыми ногами, встал и на цыпочках пошел в ванную комнату, примыкавшую к спальне. И только там, после того, как дверь, тихо щелкнув, закрылась, позволил себе заговорить во весь голос.

– Послушайте, я не знаю, кто вы такой, но мой номер вычеркнут из абонентских списков не без причины. Ваши коллеги и так вытрясли из меня все, что могли, – интервью, фотосессии, съемки для телевидения... Так что оставьте, наконец, меня и мою семью в покое, – прорычал Дейв.

– Вы меня не поняли, мистер Холл; я звоню вам с позволения миссис Линден. Она сама дала мне ваш номер.

– Ага, жас. – Дейв фыркнул. – Лиллиан дала тебе мой номер? Так я и поверил. Да ты хоть знаешь, о чем говоришь, мальчик? Ты грязи под ее ногами не стоишь, так что не впутывай ее в это дело. Она достаточно настрадалась и без таких, как ты. И вообще, дай мне своего продюсера, редактора или как там называется твой босс, и я постараюсь сделать все, чтобы тебя немедленно уволили.

Тишина была ему ответом. Дейв уже подумал, что парень отключился, но услышал далекие голоса и шорох трубки, переходящей из рук в руки.

– Алло, это мистер Холл? Мистер Дэвид Холл? – На этот раз голос был мужской и совершенно точно начальнический.

– Да, с кем я говорю? – Дейв отвечал деловито, так, как обычно говорил со старшими менеджерами на работе.

– Меня зовут Билл Миллер. Я продюсер, работаю в «Хедлайн ньюс». Я так понял, что вы хотите со мной поговорить.

– Да, сэр. Не знаю, кто тот парнишка, который говорил со мной только что, но я ему ясно сказал – больше никаких интервью и появлений на телеэкране. Мне стоило больших усилий вернуться к нормальной жизни, когда меня не узнаёт каждая собака на улице, и я не хочу, чтобы все мои труды пошли прахом. Так что забудьте, пожалуйста, мое имя и мой номер телефона, и то, что я вообще есть на свете, – продолжал он, скрипнув зубами. – И не вспоминайте обо мне никогда, а особенно в пять часов утра!

– Я глубоко извиняюсь, сэр. – Билл Миллер вздохнул. – Ральф, мой практикант, не сообразил, что вы в Калифорнии, а мы-то в *Нью-Йорке*, и не учел *разницу во времени*. – Он выделял голосом слова, вероятно, с целью усовершенствования образования стоявшего рядом недотепы Ральфа.

– Ладно, я понял. Пусть этот ваш Ральф напутал со временем, бывает; но он заливал мне, что мой номер якобы дала ему миссис Линден. А это уже вранье. Не знаю, где вы его взяли, но, кажется, я выразил свою позицию предельно ясно. Я не хочу больше давать никаких интервью.

Билл смущенно молчал. Затем он произнес:

– Э-э, мистер Холл, мне очень неловко говорить вам об этом, но дело в том, что миссис Линден действительно сама дала нам ваш номер. Она согласилась участвовать в эксклюзивном выпуске программы «Хедлайн ньюс», целиком посвященном только вашей истории, от начала до конца.

Рот Дейва раскрылся, но из него не вырвалось ни звука. Лиллиан сдалась? Они уже несколько месяцев не разговаривали, но ради такой новости, уж конечно, она позвонила бы ему сама. И еще – вряд ли она выложит этому мистеру Миллеру всю их историю «от начала до конца», как он выразился. Этого Дейв не опасался. Но все-таки соглашаться на эксклюзивное теле-интервью для шоу-программы, известной своей агрессивностью на весь свет?... Нет, это уже за гранью.

Дрожащей рукой Дейв провел по спутанным после сна волосам, чувствуя, как в груди у него завязывается тугой узел. Больше всего на свете ему хотелось позвонить сейчас ей, услышать ее звонкий смех, убедиться, что она счастлива. Он умирал от желания услышать, какие новости у ее мальчиков, у нее самой, как... но об этом нечего было и думать. Никаких контактов. Так они договорились.

– Извините, мистер Миллер, похоже, вы человек порядочный, и мне жаль вам отказывать, но ваше предложение меня не интересует. – Он постарался, чтобы его голос прозвучал максимально уверенно. – Ни у меня, ни у моих домашних нет никакого желания возвращаться под свет софитов. Так что делайте ваше шоу без меня.

В трубке приглушенно засмеялись.

– А знаете, ведь она нам так и сказала, что вы откажетесь. Причем почти теми же самыми словами. С ума сойти.

Завистливая улыбка скользнула по губам Дейва. Лили и впрямь каким-то сверхъестественным чутьем угадывала, что он скажет или сделает, причем раньше, чем он даже успевал об этом подумать. И не сосчитать, сколько раз он обвинял ее в том, что она читает его мысли – в шутку, конечно. Его сердце вдруг наполнилось странной смесью тоски и счастья. Вот почему он не любил говорить о ней и о времени, которое они провели вместе.

– Что ж, можете передать ей, что она не ошиблась. До свидания, мистер Миллер.

Но отделаться от него оказалось не так-то просто.

– Мистер Холл, подождите, есть еще кое-что. После вашего отказа миссис Линден поручила мне передать вам вот что.

Да будет этому разговору конец или нет?

– Хорошо, давайте, выкладывайте, что там еще у вас, и я повешу трубку.

– Она сказала... – Билл Миллер откашлялся, прочищая горло. – А-гхм... э-э... Велела передать вам слово в слово: «Ты у меня в долгу».

Дейва дернулся, как от пощечины. И даже ухватился за край раковины, чтобы не упасть.

Он вдруг понял, что уже не может нажать на телефоне спасительную красную кнопку; не может произнести все те гадости, которые приходили ему в голову во время этого затянувшегося разговора. Он может только сидеть в онемении на краю ванной и молча слушать, потому что слова, которые произнес сейчас этот человек, – чистая правда. Дейв действительно был у Лиллиан в долгу, а за что именно, никто, кроме них двоих, никогда не узнает.

Глава 4. Дэвид – день первый

Фиджи

Погода стоит великолепная. Пальмы ритмично покачивают своими лохматыми головами, гладкая, точно стекло, голубая вода так и подмигивает мне на солнце, манит... А я иду себе мимо и ничего не замечаю.

На мне все та же одежда, которую я надел двадцать четыре часа назад; красивые туфли из коричневой кожи, подарок от Бет на прошлое Рождество, жмут мне пальцы, пока я шагаю по липкому асфальту. Но это еще пустяки по сравнению с той пыткой, которая ждет меня на борту самолета.

Я знаю, Дженис и других моих коллег это раздражает, но я от души презираю и Фиджи, и Адьяту. Прилетая туда, я никогда не ощущаю, что нахожусь не где-нибудь, а в самом сердце Тихого океана. Зато всякий раз я целых две недели ощущаю себя мальчиком на побегушках у совершенно неизвестных мне людей, почти всегда старперов, у которых на меня исключительные права. Вот и сегодня, едва ступив на борт нашего тесного маленького самолетика, я сразу начну притворяться, будто всю жизнь только и мечтал о встрече с ними.

Уж не знаю, хорошо это характеризует продукцию «Карлтон йогурт» или не очень, но пять последних Поездок Мечты подряд выигрывали люди за семьдесят. Что ж, хотя бы знаменитый рекламный слоган «организм работает как часы» не врет. Ну, а мне, видимо, пора подыскать работу в другой компании с «молодым, дружным коллективом», вроде «Пиксара» или «Эппл». Там, правда, не будет гарантированных ежегодных поездок на Фиджи, зато и слушать, как старики хвастают регулярностью своего стула, тоже не придется.

Ну и пусть, все равно тихоокеанскими островами я уже сыт по горло; каждый раз, отправляясь на Фиджи, только и гадаю, с кем мне придется нянчиться теперь. Хорошо хоть в этом году всего одна неделя.

Эти слова я твержу про себя, как мантру: всего одна неделя, всего одна неделя. Я повторяю их, поднимаясь по шаткой металлической лестнице наверх, к кабине пилота. Щурясь от солнца, поднимаю голову и вижу, как в поле моего зрения всплывает лицо Терезы. Несмотря на жару, прическа у нее безупречная. Честь и хвала линейке продуктов для ухода за волосами от компании «Аква Нет». Но видеть знакомое лицо все равно приятно, к тому же Тереза и впрямь очень славная.

– Привет, Дейв, рада тебя видеть! – приветствует она меня. – Говорят, ты только что прилетел, вот и молодец, как раз на самую лучшую часть поспел. Частный тропический остров, курорт «все включено» – эх, махнуть бы с тобой работенкой!

Я морщусь. К счастью, она не замечает, занята делом – берет у меня мою дорожную сумку и прячет ее в отделение рядом с кабиной. Обернувшись ко мне, кивает на дверь кабины и говорит, приглушив свой тягучий южный акцент:

– А я тут торчу с капитаном Кентом Убери-Руки.

– То есть вы с Кентом расстались, я правильно понимаю? – Не помню, чтобы она жаловалась на Кента и его вездесущие руки в прошлом году, когда они жили вместе.

Тереза качает головой.

– Да, расстались, но до его рук это еще не дошло. – И она смеется над своей шуткой, а потом меняет тему. – Ну, как там ребяенок? Фотки уже есть?

От слова «ребяенок» у меня мурашки идут по коже.

– Нет никакого ребяенка, Тереза. Пока нет.

Она поворачивается на своих острых синих каблучках, уголки ее рта опущены вниз – гримаса, которую ей приходится сознательно надевать на улыбчивое от природы лицо.

– Прости меня, Дейв. Я думала... ты ведь еще две поездки назад говорил, что вы с женой пытаетесь, а в прошлом году ты говорил, что вы решили попробовать ЭКО, вот я и...

И зачем только я вообще говорил, что мы с женой хотим ребенка? Сначала друзья и коллеги просто подшучивали надо мной, толкали в бок локтем. А теперь во всех глазах я читаю только жалость.

– ЭКО тоже не сработало. Мы сейчас пробуем еще одну штуку, последнюю, а потом... – Я пожал плечами, не зная, что еще сказать. Если б мне действительно хотелось поделиться сейчас подробностями моей личной жизни, я бы мог сказать, что у Бет наступила преждевременная менопауза и мы используем донорские яйцеклетки. Я сказал бы, что мне импонирует идея усыновления ребенка, но Бет помешана на беременности. Однако я молчу – все равно Тереза не поймет. Разве тот, кто сам не был в подобной ситуации, может понять такое?

– Прости, Дейв, я не знала, – говорит Тереза с таким видом, точно мы с ней на похоронах, где я единолично представляю и семью, и родственников покойного, а она подошла выразить свои соболезнования.

– Ничего страшного. – Я стискиваю ручки моего портфеля с компьютером раз, потом еще раз. – Пойду-ка я лучше поздороваюсь Сама-Знаешь-С-Кем.

Длинными ногтями, покрытыми ярко-розовым лаком, Тереза выбивает дробь на двери с табличкой «Аварийная», и на каждый удар пластик отзывается глухим стуком.

– Конечно, милый, давай. Закончишь, скажи мне, я принесу тебе выпить.

К счастью, она поворачивается и уходит, не пытаясь больше извиняться. Вполне возможно, что незнакомые люди для меня сейчас – самая лучшая компания. Я тихо стучу в металлическую дверь с надписью «Кабина пилота». Когда никто не отвечает, я сам распахиваю дверь.

– Слышь, красотка, сделай-ка мне кофе, лады? – говорит, не оборачиваясь, Кент. – Да, и еще проверь, где там наш мистер ПиАр, на подходе или нет? В ближайшие десять минут нам надо отсюда отваливать, иначе потом час проторчим в очереди. – Лысина на его макушке выросла вдвое по сравнению с прошлым годом, остатки светлых волос коротко подстрижены. Тот еще видок. Злорадствовать, конечно, нехорошо, но я все равно злорадствую.

Я негромко кашляю, он оборачивается на звук, видит меня и нисколько не смущается. По-моему, Кент и смущение – вещи несовместимые.

– А, здорово, пацан, наконец-то. Иди, давай, садись, сейчас взлетаем; и дверь мою закрой, понял?

Разговор окончен. Почему я все время стараюсь быть вежливым с этим неандертальцем, ума не приложу. Хлопнув дверью, я пытаюсь задавить в себе раздражение, раз за разом стискивая ручку моего портфеля. Не помогает.

Шаркая по узкому коридору к салону, невольно улыбаюсь. За последние годы я налетал этим рейсом не один десяток часов. Вот почему самолетик кажется мне родным, почти как собственная квартира. Все его мелкие недостатки я знаю наизусть и даже люблю. Вот трещинка на двери туалета, тонкая, точно волос. Вот лампочка над сиденьем заднего ряда – как два года назад перегорела, так до сих пор и не починили.

За исключением этих крошечных изъянов, видимых глазу лишь опытного путешественника, в салоне нет ровным счетом ничего необычного. Пять кожаных кресел цвета глубокого загара, полноразмерные откидные столики для пассажиров переднего ряда, крохотные экраны, наводящие на мысль, что во время полета будут показывать кино. Никакого кино тут не показывали отродясь, но люди, выигравшие поездку, все равно этого не знают. Вообще, салон ужасно похож на коробочку из-под кукольных ботинок, но, как ни раздражает меня эта поездка в целом, сейчас мне все-таки лучше здесь, чем дома.

– Ты знаешь правила, милоч: выбирай любое кресло, какое на тебя смотрит, садись, пристегивайся и отключай все гаджеты, пока не взлетим. Если что-нибудь нужно, дай знать. Есть прохладительные напитки и кое-какая закуска. Короче, расслабляйся.

– Спасибо, Тереза. – Я почти не слушаю, что она говорит, так меня интересуют победители.

Тереза уходит, а я, заталкивая свой компьютер под сиденье первого ряда, не спускаю глаз с двух женщин во втором ряду. Слева – пожилая леди в облачке светло-каштановых волос, уже похрапывает. Должно быть, Маргарет Линден.

Дженис снабдила меня кое-какой информацией по обеим женщинам, чтобы мне было легче наверстать упущенное по прилете, так что я кое-что знаю о Маргарет: это она выиграла поездку, она немолода (вот так сюрприз!), живет в Айове, с собой взяла невестку, Лиллиан.

Через проход, прислонившись к окну, затемнитель на котором полностью поднят, сидит молодая женщина. В руках у нее книга, но из-за спинки кресла я не вижу названия. Жаль – было бы интересно узнать, что она там читает. Она так увлечена, что, похоже, даже не замечает, как темно-каштановые волосы падают ей на лицо, свободное от косметики и уже слегка загоревшее за неделю. Солнце так удачно светит ей в бок, что она сидит, будто в луче прожектора. У меня даже во рту пересыхает – такая она красивая.

Вот оно, мое везение. Со старухами я общаюсь непринужденно – сказывается обширная практика, надо полагать, – но при виде хорошенькой молодой женщины всегда нервничаю, становлюсь какой-то дерганый и говорю глупости. Вот и жалуйся после этого на старперов.

Пульс стучит у меня в висках. Надеюсь, я не позабыл бросить в сумку «Тайленол», или, может, у Терезы что-нибудь найдется. Растирая виски, я старательно вспоминаю ее досье: «Женщина, тридцать лет, невестка Маргарет, домохозяйка». А ведь я даже на ее фото с паспорта и то не удосужился взглянуть. Рано или поздно придется с ней заговорить, но лучше попозже. А пока надо принять лекарство и поработать. Я хватаюсь за свой портфель и тяну его из-под сиденья; от резкого наклона в висках начинает стучать еще сильнее. Наконец портфель поддается, и я резко переставляю ноги, чтобы не упасть. Господи, да что сегодня за день такой? Плюхнув раздутый портфель рядом с собой, я расстегиваю передний карман. Если я не забыл лекарство, то оно может быть только здесь.

Я шарю в кармане: попадаютсся ручки, бумажки, всякая канцелярская дребедень и просто невероятное количество мелких монеток. Я тихонько ругаюсь. Будь я организованным человеком, как всегда говорит мне Бет, не был бы сейчас в таком положении. Черт. Я так резко застегиваю молнию на кармане, что она трещит, и тут же замечаю уставившийся на меня зеленый глаз. Компаньонка. У нее вздрагивают губы, точно она едва сдерживает смех, и женщина машет мне рукой так, словно мы старые друзья, встретившиеся после долгой разлуки, отчего я почти впадаю в панику. Нет... эту улыбку я запомню навсегда – по крайней мере, не забуду, как от нее у меня сразу взмокли ладони, а по рукам пошли мурашки.

Приложив палец к губам, она показывает на Маргарет Линден и шепчет:

– Позже.

– О'кей, – говорю я и, как идиот, поднимаю вверх большой палец.

Когда она возвращается к своему роману, я опускаюсь на сиденье и пристраиваю на коленях компьютер. В голове у меня толчется столько разных мыслей, что я даже слегка вздрагиваю, когда машина подает звуковой сигнал.

Не знаю, как это возможно – хотеть домой и одновременно радоваться, что ты не дома, но сейчас я испытываю оба эти чувства. Одна часть меня рвется к Бет. Мне хочется обнаружить посреди дня ее волос, обмотавшийся вокруг пуговицы моей рубашки, или услышать звук открывающейся двери и по звуку шагов понять, что она дома. И все же, сидя здесь,

перед компьютером, набитым имейлами, я чувствую себя свободнее, чем за все последние месяцы.

Никогда не думал, что зачать ребенка окажется таким хлопотным делом. Другим это дается так легко, что они и сами не замечают, как это у них выходит, но, похоже, это не наш случай. Я сильно тру себе переносицу – так сильно, как будто надеюсь стереть все неприятные воспоминания: месяцы споров, замеров температуры, больничных карт и отрицательных тестов на беременность. Но теперь можно забыть обо всем этом, ведь в матке у Бет уютно угнездились три крохотных зародыша. Если все три выживут, то у нас будет тройня. Тройня! Я знаю, что эта мысль должна меня пугать, но мне не страшно.

Так что даже хорошо, что я сейчас здесь: пусть воздух очистится, прежде чем я снова вернусь домой. А там сдадим очередной анализ крови и будем строить новые планы. Если с эмбрионами не получится, то есть шанс, что Бет бросит свою одержимость беременностью. И можно будет опять завести разговор об усыновлении. В конце концов, главное, чтобы ребенок был; просто умираю, до чего хочу быть папой. Кто знает, может, это будет лучшее, что с нами случится.

В кармане моих штанов начинает вибрировать телефон, и я опять подпрыгиваю. Слава богу, что я переключил его на вибрацию еще во время прошлого перелета, а не то миссис Линден сейчас проснулась бы от моего рингтона из «Эй-си/Ди-си». Это, наверное, мистер Янус, хочет убедиться, что я не опоздал на рейс. Но я не успеваю приложить телефон к уху, как Тереза просовывает голову в салон и хмурится.

– Две минуты, – одними губами говорит она, а телефон снова вибрирует. Я киваю и нажимаю на кнопку.

– Алло?

– Дейв? – говорит Бет, голос у нее высокий и тонкий.

– Привет. Что там у нас стряслось?

– Мне просто нужно было тебя услышать. – Она тихо вздыхает, как будто звуки моего голоса и впрямь оживляют ее. – Вчера был самый худший вечер во всей моей жизни, а тебя не было, и никто не мог мне помочь. – Слова, похоже, застревают у нее в горле, и я невольно выпрямляю спину.

– Что случилось, Бет?

– Мне так жалко, Дейв... Не знаю, что со мной такое. Я... прошлой ночью у меня началось кровотечение, и утром я пошла к доктору. Он сказал... сказал, что эмбрионы не выживут. – Она выталкивает слова наружу с усилием, как выставляют за дверь непрошенных гостей.

Я поворачиваюсь к окну и шепчу:

– О-о чем ты? Как это могло случиться? Они же говорили, что все будет ясно через неделю, не раньше.

В трубке раздается сдавленный всхлип.

– Я забыла про уколы.

– Как это – забыла? – Бет прекрасно знала, насколько эти уколы важны. Ее тело производит слишком мало гормонов, поэтому она не может вынашивать детей. Доктор Харт все ясно объяснила.

– Не знаю как; забыла, и все. Тебя же не было, никто мне не напомнил, а я заматалась с работой и с делами, к тому же эти уколы так меня утомляют... Вот я и забыла. Говорила же я тебе – не уезжай. Говорила – ты мне нужен.

– Но как ты могла забыть, Бет? Это же не собачку утром покормить, это могли быть наши дети. – МОИ дети, хочется крикнуть мне, но я проглатываю эти слова, не даю им вырваться на свободу. – Сколько уколов ты пропустила?

– Три, – шепчет она.

Три. Ничего не понимаю. Меня нет дома всего каких-то двадцать часов. Не два дня, и уж конечно, не три. То есть две инъекции из трех были «забыты» еще при мне. А ведь я после каждой инъекции спрашивал ее, как она себя чувствует, нянчил ее, предупреждая буквально каждое ее желание. И потом, она же говорила мне, что каждый день бывает у Стэйси, своей подружки-медсестры, и та делает ей уколы, и они совсем не болезненные. Почему же она лгала?

Мне нечем дышать. Раньше я никогда не испытывал клаустрофобии, но, наверное, теперь это она: мне кажется, что в самолете внезапно кончился весь воздух и что стены сдвигаются вокруг меня. Нашарив верхнюю пуговку рубашки-поло, я обрываю ее, борясь с одной навязчивой мыслью, в которую никак не хочу поверить – она сделала это нарочно. Я прижимаюсь лбом к прохладному пластику затемнителя. Моя рука с телефоном дрожит, пока я сам пытаюсь успокоиться, чтобы сказать хотя бы два слова.

– Дейв, милый, ты меня слышишь? Пожалуйста, не сердись на меня, ладно? Ну, поговори со мной, а? Пожалуйста. – Ее голос режет мне уши.

Самолет дергает вперед и рывком возвращает меня в настоящее. Во время моего разговора с женой дверь салона бесшумно открывается. В проеме появляется Тереза. Снова эта жалость у нее во взгляде. Она показывает на мой телефон и знаками объясняет, что пора отключаться, что мы взлетаем.

– Мне пора, мы взлетаем. – Я сам удивлен тем, насколько резко звучит мой голос.

Бет громко шмыгает носом.

– Хорошо. Позвони мне потом, ладно?

– Да, конечно.

– Я тебя люблю, – шепчет она.

Но у меня нет сил ответить ей тем же.

Глава 5. Лиллиан

Настоящее

– Скажите, Лиллиан, а почему Маргарет взяла с собой именно вас? – спросила Женевьева, подталкивая историю вперед.

– Она считала, что я заслужила передышку. К тому же мы с ней никогда никуда не ездили вместе, вот она и решила попробовать, вдруг нам обоим понравится. – И Лиллиан взмахнула руками так, чтобы никто не усомнился: конечно, поехать тогда на Фиджи ей было гораздо важнее, чем в первый раз в жизни отвести Дэниела в детский сад.

– И как, первая неделя на Фиджи прошла гладко? – Точеная бровь приподнялась в ожидании деталей. В брошюре, которую получила Лиллиан, рядом с вопросами в скобках была пометка: «Рассказывать подробно». Она уже практиковалась на Джерри, во всех деталях описывая ему поездку с его матерью. Когда Лиллиан закончила, в глазах у него стояли слезы. Ничего подобного он раньше не слышал.

– Да, остров очень красивый, и люди там невероятно любезны и добры. Фирма «Карлтон» прислала туда сотрудницу из своего отдела по связям, она решала за нас любые наши проблемы в любое время суток, так что отдых был просто исключительный. В первую неделю нас возили на вертолетный тур по острову, мы выходили на лодке в море любоваться закатом и брали уроки дайвинга – то есть я брала, а Маргарет просто купалась и загорала. Но все это в виде исключения, а так мы в основном спали, ели и валялись на пляже, бездельничали. – Тут Лиллиан улыбнулась вполне искренне.

– А где вы должны были провести вторую неделю?

Улыбка тут же исчезла; ее спугнули угрызения совести и страх, от которых едва не задрожал монотонный, тщательно контролируемый голос Лиллиан.

– На частном курорте во французской Полинезии, Адьята как-то... э-э, Адьята-бич, кажется. Тоже за счет компании.

– Уточните, пожалуйста, каковы были условия доставки вас и вашей свекрови на Адьята-бич? – Женевьева подалась к ней в своем кресле. Она знала, что это важная часть беседы, которая поможет зрителям настроиться на самое главное.

Проглотив ком в горле, Лиллиан начала отвечать – события того дня отчетливо встали у нее в памяти, ей даже показалось, что на нее пахло топливом для самолета и горячим асфальтом.

– Для нас был забронирован частный реактивный самолет.

И тут журналистка задала вопрос, которого Лиллиан боялась больше всего, потому что с него начиналось все. Вся ложь.

– Что произошло на борту?

Она прекрасно понимала, на что именно рассчитывала известная телеведущая, затеявая это интервью, – на то, что она, Лиллиан, опять расчувствуется, будет рыдать в три ручья, а может быть, если повезет, даже поделится со зрителями парой-тройкой духовных откровений. Только этого все от нее и ждут.

– Все началось, как обычно. Едва мы сели в самолет, Маргарет приняла снотворное и всю дорогу крепко спала. Тереза, бортпроводница, принесла нам воды, я читала, а Дейв, кажется, работал. Сказать по правде, полет был самый обыкновенный.

Лиллиан и сама не поняла, как ей удалось не поперхнуться на слове «правда». К тому, что она говорила сейчас, правда не имела ровным счетом никакого отношения; она приплела ее так, для пущего эффекта. Если б Лиллиан действительно говорила правду, то она должна была бы сказать, что три часа полета промелькнули для нее как один миг, словно во сне,

а не наяву, хотя именно они и были последними часами ее настоящей жизни. А потом она словно заснула и погрузилась в какой-то сюрреалистический кошмар, в котором продолжает жить и поныне.

Но правда – это из другой жизни.

Лиллиан опять сосредоточилась на сценарии. Надо отвечать на вопросы, а не думать о том, как все было на самом деле, – кому она сможет этим помочь? К тому же она и сама уже толком не знала, что в ее жизни было на самом деле, а что нет. Только по ночам, в темноте, Лиллиан обнаруживала, что может отрешиться от всего и забыться. В темноте не бывает дурацких вопросов вроде тех, которые задает сейчас Женестьева Рэндалл, – каким самолетом они летели, да как занимали места, что пили и сколько времени прошло до взлета. Своей кажущейся безобидностью они вызывали у Лиллиан бешенство, ведь она знала, к чему они ведут. Но вспоминать все это в темноте было совсем непереносимо. Лучше уж при свете.

– А теперь скажите мне, Лиллиан, когда у вас впервые возникло ощущение, что что-то идет не так?

Надежда, которой вспыхнули глаза Женестьева, окончательно разозлила Лиллиан. Сколько раз она видела эти искры в глазах интервьюеров. Самые страшные мгновения ее жизни были для этих людей всего лишь еще одной ступенькой вверх по лестнице карьеры. Но тут Лиллиан осенила такая идея, что у нее даже в груди потеплело, и она, взяв маленькую паузу, разгладила невидимые складочки на джинсах, а потом продолжила.

– Мы все сидели на своих местах, и до курорта оставалось около сорока пяти минут лету, когда в правой части самолета что-то грохнуло. Впечатление было такое, как будто в нас кто-то врезался, хотя ничего, кроме облаков, в иллюминаторе не было.

– Хммм... и что же случилось потом?

– Тереза, наша стюардесса, выбежала из камбуза и сказала, что мы потеряли один двигатель, но все будет в порядке. Она велела нам пристегнуться на всякий случай и держаться покрепче – скоро будем садиться.

– Наверное, вам было страшно, – сказала Женестьева, сдвинув брови. Не будь она накачана ботоксом до самых корней волос, у нее даже лоб сморщился бы, так старательно она изображала участие. Однако каждый ее вопрос был построен так, что изобличал скорее жажду сенсационных подробностей, чем искреннее желание знать правду, а постоянным наклоном головы к одному плечу во время разговора она напоминала Лиллиан избалованного кокер-спаниеля, кланчащего подачку.

«Нет, Пуки, вкусенького ты не получишь», – подумала Лиллиан, прежде чем ответить.

– Нет, я верила Терезе. Я ведь никогда раньше не летала частными реактивными самолетами, а она делала это каждый день, так что какие у меня были основания ей не верить? Я пристегнула ремень и постаралась взять себя в руки.

Сейчас руки Лиллиан лежали у нее на коленях, слегка подрагивая. Она уже несколько месяцев не рассказывала никому эти лживые подробности, все по порядку, так что теперь ей пришлось сосредоточиться, чтобы ничего не упустить и не перепутать. Ей было совершенно ни к чему, чтобы ушлая Женестьева начала раскапывать различия в разных версиях ее рассказа. А уж она в этом специалист, сразу видно.

– Хорошо, но в какой-то миг вы все-таки осознали, что с самолетом не все ладно? Когда вы это поняли?

– Самолет начал терять высоту, и мы полетели прямо через грозу, вместо того, чтобы обойти ее поверху. Турбулентность была страшная, – прошептала Лиллиан. – Мы услышали голос пилота, он велел нам приготовиться к столкновению. Все казалось до того нереальным, что я даже сомневалась, на самом ли деле это происходит.

– О чем думает человек, когда оказывается в смертельной опасности?

Лиллиан разглядывала свои сверкающие ногти, решая, сколько можно сказать; короткая темная челка прикрывала ей лоб и небольшим козырьком нависала над глазами. Как она жалела теперь о тех состриженных каштановых прядях, которые когда-то закрывали ей поллица, давая своего рода убежище от чужих взглядов.

– Ну, сначала вспоминаешь родных, друзей, все, что не успела им сказать, сделать... Но потом и это вылетает из головы; думаешь только о том, как спастись, выжить.

Противная улыбочка скривила губы Женевьевы. Кажется, она нашла, за что зацепиться.

– А что делали все остальные, как они готовились к жесткой посадке? Например, ваша свекровь, Маргарет?

– Самолет так трясло, что Маргарет проснулась, но не до конца – снотворное еще должно действовать. Мы с ней сидели через проход, а вокруг стоял такой грохот, что говорить было невозможно, мы все равно друг друга не слышали. Но я держала ее за руку до того самого момента, когда Кент скомандовал готовиться к жесткой посадке. Я пыталась сказать ей, что люблю ее, что с нами все будет хорошо. Спинка кресла Дейва была прямо передо мной. Как он реагировал, я не видела.

– А Тереза, что делала она?

Тереза. Один раз, месяца через три после возвращения, Лиллиан летела в Калифорнию, и ей показалось, что она видела в самолете Терезу. Стюардесса плыла по проходу между креслами, улыбалась, раздавала напитки, пряди волос цвета спелой пшеницы прикрывали ее лицо сбоку.

Лиллиан наполовину спала – действовал «Валиум», который психиатр посоветовала ей принимать во время полетов. В тот раз ей страшно не хотелось опять разлучаться с Джерри и мальчиками, но муж никак не мог оставить работу, и с ней полетела Джилл. Она сидела рядом.

И тут раздался голос Терезы.

– Приве-ет, дорогуша, что будешь пи-ить? – Невозможно было ошибиться: тот же протяжный южный акцент, ласковый и какой-то мудрый.

– Тереза? – прошелестела Лиллиан, перебарывая дремоту. – Это ты? – На мгновение она позволила волне надежды и смятения захватить себя целиком, но тут стюардесса повернулась, и она увидела ее лицо.

– Нет, детка, я Джен. Но ты можешь звать меня Терезой, если хочешь. – И стюардесса игриво подмигнула.

– Я не хочу пить, – прошепелявила Лиллиан. Джилл извинилась за нее и все-таки заказала ей яблочного сока, на всякий случай, а Лиллиан заснула, и во сне продолжая верить, что ей только что явился призрак Терезы.

Лиллиан встряхнулась, прогоняя непрошенное туманное воспоминание, и приготовилась к очередному броску своих персональных русских горок. Она уже видела впереди этот подъем, а за ним – неизбежный крутой спуск, который почему-то страшно любили все, кроме нее. Только ее, Лиллиан, он нисколько не бодрил и не возбуждал. Просто она каждый раз чувствовала, что падает.

– Г-хм... сначала Тереза была в кабине пилота, с Кентом, а после объявления пришла, чтобы сесть и пристегнуться, как все.

Женевьева снова подалась вперед, ее лицо горело притворным сочувствием.

– Лиллиан, я знаю, для вас это непросто, но, пожалуйста, расскажите, как умерла Тереза.

Глава 6. Лили – день первый

Рейс 1261

Стюардесса стоит в передней части салона и произносит свой обычный спич на тему ремней безопасности и спасательных жилетов, но я ее не слушаю. Я наблюдаю за Дейвом Холлом. Он сидит, прижавшись лбом к окну, и смотрит наружу. Лица его я не вижу. Но, как раз когда Тереза показывает, как надевать кислородную маску, он трет себе висок и, кажется, смахивает слезинку.

Завершив представление, Тереза садится в кресло через проход от Дейва и пристегивается для взлета. Все молчат. Дейв Холл сидит, как замороженный, и пристально глядит на океан, пока наш самолетик карабкается в небо. Сила тяготения вдавливают меня в кресло, и я с удовольствием подчиняюсь, бросив последний взгляд на остров Фиджи, такой сочно-зеленый сверху, весь в пене океанского прибоя, словно в ожерелье. И вот уже в иллюминатор не видно ничего, кроме воды, синей, точно сапфировой, и сверкающей под лучами солнца.

Когда самолет, наконец, выравнивается, я снова берусь за книгу. Это любовный роман, не из тех, какие я читаю обычно, но у меня было с собой всего десять долларов, и ни на что приличное их не хватило. Сейчас я как раз на середине бурной любовной сцены. Невольно краснея, поспешно пролистываю главу, ища страницы, свободные от описаний разных частей тела и их пульсаций.

Но у меня в ушах неотступно звучит голос Дейва Холла: «Это могли быть наши дети... Как ты могла забыть?» Я захлопываю книжку и со вздохом провожу рукой по своим нечесаным волосам, пальцами разделяя их на пряди. Да, лететь нам еще долго.

Раздается резкий звуковой сигнал. Стюардесса расстегивает свой ремень, встает и поворачивается к нам.

– Вот теперь можно включать всякие электронные штучки. Любые, кроме телефонов. – Она бросает на Дейва взгляд, точно хочет что-то добавить, но, сдержавшись, уходит на цыпочках в свой камбуз.

Что ж, значит, пришла пора развлечься. Я убираю рюкзачок подальше, чтобы не мешал, и плюхаю себе на колени тяжелую черную сумку с ноутбуком. Обычно я не беру с собой компьютер, когда еду к морю, но в этот раз Джерри загрузил в него специальную программу для видеозвонков. Так что я видела обоих моих мальчиков в первый день школы, да и во все остальные дни тоже. Конечно, это не то же самое, что быть прямо там, с ними, но все же гораздо лучше, чем телефон.

Я достаю из специального отсека серебристую камеру и соединяю ее с компьютером при помощи белого шнура. Все время, пока мы в отпуске, я посылаю на почту Джерри картинки и рассказы о том, как мы отдыхаем, чтобы он читал их детям. В моей обычной, заурядной жизни обитательницы тихого пригорода и домохозяйки мне не часто приходится играть роль путешественника и исследователя, – и это вполне меня устраивает, кстати, – но показать детям, что я могу быть кем-то еще, а не только мамой, тоже хочется.

Наверное, именно поэтому мне так тяжело было пропустить первый день Дэниела в детском садике. Раньше он казался мне таким далеким, этот первый день, и я рассматривала его как своего рода повышение в статусе, не только для него, но и для себя как матери. И вот он пришел, а с ним пришла и пора принимать кое-какие решения. Джерри советует мне не спешить возвращаться на работу, но я не хочу провести остаток своих дней, полируя серебро и сортируя стирку. Да и Джилл давно уже просит, чтобы я вернулась в среднюю школу Стивенсон хотя бы на подработку, взяла несколько часов истории, даже обещает мне мою прежнюю классную комнату. Будет хотя бы место, где хранить книги по истории Гражданской

войны. Но вся беда в том, что я не знаю, готова ли снова стать учительницей. Ведь мне придется иметь дело с подростками и, хуже того, с их родителями...

Джерри считает, что мне надо вернуться в колледж и защитить магистерский диплом, который я отложила в долгий ящик, когда он сам пошел учиться на юриста, но мысль о том, чтобы снова стать студенткой, пугает меня почти так же сильно, как предложение сигануть с высокой скалы в море. Хотя, с другой стороны, когда мы были на Тавойни-айленд, я буквально жила на шестидесятифутовой вышке для прыжков. И что такое пара лет в колледже по сравнению с этим?

Пока два электронных устройства обмениваются информацией, я снова украдкой взглядываю на Дейва Холла. Он тоже держит на коленях компьютер, но, кажется, даже не глядит на мерцающий голубой экран. Его взгляд устремлен на какое-то пятнышко на стене напротив. Отчего же у него такой вид – несчастный?

О, нет, опять это неодолимое желание помогать и утешать. Но ведь можно же мне сесть на место Терезы, ненадолго, и поболтать с ним минуточку-другую? Конечно, его жизнь это не изменит и мировых проблем не решит, но, если он станет хоть чуточку повеселее, уже хорошо. Джерри терпеть не может, когда я ко всем лезу со своей помощью, но ничего не поделаешь, я такая. Горбатого, как говорится, могила исправит.

Посмотрев внимательно на мирно посапывающую Маргарет и убедившись, что она спит, я встаю и на цыпочках приближаюсь к пустому креслу Терезы. Не удержав равновесия, больно ударяюсь бедром о подлокотник. Сажусь, тихонько поскуливая, и щелкаю ремнем безопасности. Дейв Холл поворачивает ко мне голову. Судя по его удивленному лицу, он думал увидеть Терезу. Не зная, что делать дальше, я протягиваю ему руку.

– Здравствуйте. Я Лиллиан.

Он смотрит на мою протянутую ладонь так, словно не знает, что это такое. Н-да, ошибочка вышла. Но я не успеваю убрать руку, как Дейв Холл щелкает крышкой своего ноутбука и заталкивает его под сиденье. Потом, словно очнувшись, наконец, от долгого сна, хватается мои обмякшие пальцы и стискивает их так, что мне становится больно. Я даже подаюсь вперед, боясь, как бы он в порыве энтузиазма не выдернул мне руку из запястья.

– Здравствуйте, миссис Линден, я Дэвид Холл. – Он говорит так быстро, что слова у него путаются, наступая на пятки друг другу. – Пожалуйста, зовите меня просто Дейв. Я здесь для того, чтобы ваша поездка стала идеальной. Поэтому с любыми вашими просьбами и пожеланиями обращайтесь ко мне. – Он тычет себя в грудь пальцем и добавляет: – Я здесь для вас.

– Что ж, Дейв, – я произношу его имя медленно, – обязательно включу вас в список номеров быстрого набора, на всякий пожарный. Но сейчас я просто подошла поздороваться. Не буду вас больше отвлекать, у вас же работа. – Я бы сбежала, но он все еще держит меня за руку.

Его лицо тускнеет прямо на глазах, хватка обмякает.

– По-дурацки получилось, да? – Отчаяние глядит из его глаз, звенит в голосе. – Извините меня, можно я попробую еще раз?

Судя по всему, я ухитрилась добиться того, что от моего присутствия мистеру Холлу стало еще хуже. Потрясающе. Тоже мне, палочка-выручалочка выискалась...

– Послушайте, – говорю я, мягко высвобождая свою руку. – Я пойду на свое место. Было очень приятно познакомиться с вами, Дейв.

– Миссис Линден, пожалуйста, не уходите, – говорит он и даже протягивает ко мне руку, точно умоляя остаться. – Обычно я лучше делаю свою работу.

На пальце у него вспыхивает золотой ободок обручального кольца, привлекая мое внимание. Оно такое же, как у Джерри, – продается в ювелирной секции любого супермаркета «Сирс» за пятьдесят долларов. И, так же как у Джерри, годы непрерывной носки приглу-

шили его изначальный блеск, сообщив ему приятную матовость. Помню, когда я покупала это кольцо для Джерри, продавщица сказала мне, что он может прийти и отполировать его, когда захочет, абсолютно бесплатно. Но время шло, и когда наш брак стал измеряться уже не днями, а годами, мне стала дорога эта благородная потертость. Каждая царапинка, каждая вмятинка на этом золотом ободке – память о днях и событиях, пережитых вместе, и я ни за что не хотела бы ее стереть. Черт, и зачем оно только попало мне на глаза, это его кольцо? Теперь придется остаться.

– Нет, нет, пожалуйста, не огорчайтесь из-за такой мелкой оплошности, – говорю я как-то уж чересчур выразительно, стараясь его ободрить. – Не пройдет и недели, как я сяду в такую лужу, что хуже не придумаешь, и мы будем квиты.

Он искоса смотрит на меня и улыбается.

– Знаете, это надо записать в ваше досье. В качестве предостережения.

– Какое еще досье? – Ну, слава богу, он уже шутит. – Вы что, шпионили за мной, мистер Специалист по Связям?

– Не я, за вами шпионил «Карлтон йогурт». А я – просто невинный наблюдатель. Читаю предоставленную мне информацию.

И он поднимает перед собой обе ладони, точно отражая невидимую атаку. Когда Дейв улыбается, у меня точно пелена с глаз спадает, и я впервые вижу его по-настоящему. Он примерно одного роста с Джерри, то есть довольно среднего, но из-за почти черных кудрей, которые приподнимаются у него на макушке, кажется выше. Лицо у него смуглое, кожа ровная, гладкая, темные ресницы окаймляют ярко-голубые глаза.

Нет, он, конечно, не совершенство. При улыбке нос у него сдвигается чуть набок, да и несколько лишних фунтов веса определенно найдутся. И все же он настолько хорош собой, что мне даже становится неловко – как это я навязалась к нему в компанию.

– Невинный, как же. – Я смеюсь, чтобы справиться с неловкостью. – Раз уж у вас такие связи, что вас каждый год отправляют в эту поездку, то вы точно не трудитесь, как пчелка. – Дейв приподнимает смоляную бровь. – Да, да, я говорила с Дженис, и она тоже дала мне небольшое досье на вас.

Он кладет руки на подлокотники и принимает точно такую же позу, что и я, только при этом у него под загорелой кожей выступают мускулы. Фыркает и разглядывает меня так, что я не знаю, куда девать глаза.

– Что ж, Лиллиан, – говорит он, опуская голос на октаву ниже, чем прежде. – Давайте договоримся: я покажу вам ваше досье, если вы покажете мне мое.

Вокруг внезапно наступает такая тишина, что у меня начинает звенеть в ушах. Что это, он со мной флиртует? Столько лет ни один мужчина, кроме мужа, не проявлял даже мимолетного интереса к моей особе, что я уже забыла, как это бывает, и совершенно не знаю, как реагировать. О, господи, может быть, он думает, что я тоже флиртую с ним?

Нет, только не это! Я трижды поворачиваю обручальное кольцо с камушком вокруг пальца, отчаянно соображая, как мне теперь выпутаться из этой ситуации, свести все к шутке. Может, так прямо и сказать: я, мол, женщина замужняя, а вы меня смущаете? Но нет, мне ведь целую неделю быть с ним на острове, так что, как бы я ни повела себя сейчас, все равно все закончится неловкостью.

И тут, прежде чем я успеваю что-нибудь придумать, лицо Дейва заливается краской.

– Ой, простите меня, пожалуйста, вот это прозвучало совсем грубо. Я не хотел... то есть я хотел... в общем, это так прозвучало... г-хм... – И он ошарашенно проводит по губам ладонью. – В общем, лучше мне, наверное, помолчать.

Мне сразу становится так легко, что я начинаю смеяться.

– И совсем это не грубо...

Дейв тоже смеется.

– Кстати, для протокола: это не я первый на вас напал.

От этих его слов мне вдруг становится так смешно, что я хохочу уже во все горло и не могу остановиться, пока из камбуза не появляется Тереза, ее брови высоко подняты от любопытства. Тогда мы оба утихомириваемся и только хихикаем.

– Извините, – говорю я, все еще не отдышавшись. – Я заняла ваше кресло. – И начинаю расстегивать ремень, опустив голову так, что волосы целиком скрывают мое лицо, зардевшееся от смущения, которое только усиливает намек в ее поднятых бровях.

– Не страшно, детка; похоже, вам вдвоем весело, – отвечает она с таким глубоким подтекстом в голосе, что мне сразу хочется сделаться маленькой-маленькой и спрятаться куда-нибудь в отделение для сумок. – Может, принести вам выпить?

Я сразу хватаюсь за возможность сменить тему.

– Я бы выпила чего-нибудь холодного, с кофеином.

– А тебе, милочка? – Она кивает Дейву, в глазах у нее пляшут чертенята. – Может, пивка?

– Нет, просто воды, спасибо, – говорит Дейв. Судя по его опущенным плечам, он снова вспомнил про свои неприятности. Н-да, что-нибудь покрепче воды ему сейчас явно не помешало бы.

Тереза ныряет обратно в камбуз и почти молниеносно возвращается оттуда с нашими напитками, а мы сидим и делаем вид, будто даже не глядим друг на друга. Когда у нас в руках оказываются пластиковые стаканчики, Дейв снова поворачивается ко мне.

– Выпьем за частный остров в сердце рая, – предлагает он.

– Выпьем, – соглашаюсь я и легко касаюсь его стаканчика своим.

Дейв одним большим глотком расправляется с содержимым своего стакана, а потом начинает мять его в руках, не зная, что с ним делать. Я пью медленно, маленькими глоточками, разглядывая его руки, пальцы с коротко подстриженными и явно обработанными пилкой ногтями, которые, кажется, вслух говорят: «Мы наманикюренные». Да, этот парень явно не из Миссури.

– Миссис Линден, – начинает он. Я тут же опускаю глаза в свой стакан, от души надеясь, что он не успел заметить, как я его разглядываю.

– Пожалуйста, зовите меня Лиллиан. А то, когда проснется вторая миссис Линден, мы запутаемся. – Я жду, когда Дейв продолжит, но он смотрит на свой стакан так, словно ждет, что тот сейчас заговорит. – Дейв, у вас всё в порядке? – шепчу ему я.

– Да, ничего страшного, переживу. Мне, правда, жалко, что так вышло с телефоном: я же знаю, все слышали. Мы с женой пытаемся...

Я поднимаю ладонь, останавливая его.

– Дейв, вам не обязательно мне что-то рассказывать. Я подошла к вам не из любопытства. Просто хотела убедиться, что с вами всё в порядке.

Его губы смыкаются. От сдерживаемой улыбки на щеках проступают тонкие морщинки.

– Спасибо, Лиллиан. – Дейв снова глядит в свой стакан, и я воображаю, как он мысленно наполняет его словами, которые я не дала ему сказать вслух. – Правда, большое спасибо. И вообще, я мог бы сразу догадаться. Ведь в вашем досье сказано, что вы человек добрый и отзывчивый.

Я тычу его пальцем в плечо и хихикаю.

– Нет, вы точно покажете мне это досье еще до конца недели. – Его низкий, бархатистый смех мешается с моим.

И мы продолжаем болтать так, будто знаем друг друга всю жизнь. Избегать серьезных тем оказывается ничуть не сложно. Я рассказываю ему о доме, о Джерри и мальчиках и, в конце концов, показываю ему все до единой их фотографии, какие есть у меня в бумажнике. Он, в свою очередь, рассказывает мне дико смешную историю о победительнице Поездки

Мечты 2005 года, которая напилась так, что даже пыталась соблазнить его. Это в восемьдесят-то два года! В общем, наш разговор катится так гладко, что я даже не замечаю, как небо начинает темнеть, а солнце опускается к западу, окрашивая облака под нами в розовый цвет.

– Ох, вы только поглядите, какая красота. – Дейв смотрит на облака внизу, а те прямо на глазах меняют форму и цвет, точно хамелеоны.

Я ничего не успеваю сказать, потому что в этот момент раздается громкий хлопок, и наш самолет начинает крениться набок. Я машинально пригибаюсь, словно для того, чтобы избежать удара.

– Что это было?

Подняв голову, я вижу Дейва, который застыл, глядя в окно.

– Я... я вижу дым. Кажется... кажется, наш самолет... горит.

– Дейв, – начинаю я голосом опытной мамы, – все будет в порядке, вот увидите. Вы когда-нибудь встречали человека, побывавшего в авиакатастрофе? Ведь нет, правда? Вот и с нами все будет хорошо, я даже не сомневаюсь. – В этот момент я напоминаю себе воспитательницу из детского сада, терпеливо объясняющую перепуганному малышу, что большой полосатый шмель, который жужжит так громко, сам боится его больше, чем он – шмеля.

Однако уверенность моя больше показная. Обернувшись, я смотрю на Маргарет. Ее голова свесилась на плечо, грудь мерно опускается и поднимается. Ага, значит, здесь этот адский грохот и турбулентность ей нипочем, спит себе спокойненько, а когда приезжает к нам, то подавай ей нашу с Джерри спальню, потому что на первом этаже, видите ли, шумно. Но мне как-то очень не по себе, и я оставляю возмущение до лучших времен. Слава богу, что она пристегнута.

В салон вбегает Тереза.

– Слушайте все: у нас маленькая техническая неполадка, но это не страшно, так как до места нам осталось всего сорок пять минут. Кент считает, что все будет нормально. Смотрите только, пристегнитесь как следует, и все будет в шоколаде, так он сказал. – Она умолкает и наклоняет голову на бок. – Эй, это твой лэптоп, детка?

Она обращается ко мне. А я и думать забыла про свой компьютер, который лежит позади меня на сиденье моего кресла.

– Да, но он выключен. И я даже не выходила в Интернет, честное слово, – говорю я, внезапно встревоженная тем, что это, может быть, из-за меня все получилось.

Тереза улыбается.

– Да все нормально. Только лучше сунь его под сиденье, когда будет возможность, о'кей? Может быть, нас слегка тряхнет. Но совсем чуть-чуть.

Ее спокойствие кажется мне неестественным. По моим ощущениям, мы сейчас в чем угодно, но только не «в шоколаде». Ведь наш правый двигатель задымился не без причины, да и грохот был такой, что у меня зазвенело в ушах. А вдруг мы все же не дотянем до аэропорта? Что, если это серьезно?

Дейв тоже, похоже, не удовлетворен объяснением.

– Тереза, что там у нас за проблема? – Я вижу, что он пытается казаться спокойным и собранным, но предательская дрожь в голосе выдает его.

Стюардесса как раз переступает с ноги на ногу, когда самолет со страшным треском вдруг заносит куда-то в сторону.

Тереза всей спиной ударяется о дверь туалета и падает на пол. Свет в салоне гаснет. Самолет скрипит и стонет. Нет, он явно больше не выдержит и вот-вот разлетится на куски.

Я уже вполне убедила себя в том, что наш самолет сейчас нырнет носом вниз в океанские волны, когда он неожиданно выравнивается, и даже свет продолжает гореть. Электричество привычной желтизной заливают все вокруг, придавая всем вещам подозрительно нормальный вид. Только у Дейва слегка растрепались волосы. Тереза в порядке, она уже встает.

– Пусть Кент говорит, что хочет, но вы тоже имеете право знать, по-моему, – пыхтит она; ловко балансируя на шпильках, прижимается спиной к внутренней обшивке фюзеляжа и вцепляется в нее руками. – Мы потеряли двигатель. Дотянуть можно и на одном, но сохранить высоту не получится, так что лететь придется не над облачностью, как до сих пор, а прямо сквозь нее, или даже под ней. – Она набирает полную грудь воздуха. – Мы летим в грозу.

Вспышка молнии снаружи затопляет своим мертвенным светом весь салон, и электричество снова мигает. Самолет подпрыгивает так, что ремень безопасности налезает мне на бедра, а джинсовый пояс шорт больно врезается в тело. Дейв вцепляется обеими руками в подлокотники с такой силой, что у него белеют ногти.

Терезу бросает из стороны в сторону от каждого толчка.

– Тереза, садитесь. – Я снова начинаю возиться с ремнем безопасности.

Но стюардесса мотает головой и, отчаянно напрягая голос, чтобы перекричать шум, кричит:

– Не снимай ремень! Это опасно!

И тут земное притяжение почему-то исчезает. Мы снова летим вверх, натягивая ремни; вторая вспышка молнии озаряет салон. Когда самолет выравнивается, Тереза опять лежит на полу, сбита с ног, как и в первый раз. Волосы полностью закрывают ей лицо, но сквозь них я вижу ее глаз; он смотрит на меня, не мигая, а ее правая рука вывернута неестественно, как у брошенной куклы. И голова так близко склонилась к плечу, что, кажется, еще чуть-чуть, и ее щека коснется лопатки. И вообще, она лежит так тихо, так устрашающе-неподвижно, что напоминает марионетку, выпавшую из рук кукловода.

– Тереза! – Я пробую дотянуться до нее, не расстегивая ремня. Самолет ныряет, злобно стеноя, точно кланя законы физики.

– Дейв! – кричу я, как будто надеюсь, что у него есть план, или парашют, а то и супер-способности, но он сидит, закрыв глаза, точно молится. Может, и мне пора сделать то же самое?

– Дейв, ДЕЙВ!

Он вздрагивает, открывает глаза, смотрит на неподвижное тело и ошеломленно спрашивает:

– Что случилось?

– Тереза умерла, – ору я. – Кажется, сломала шею.

– О боже мой, боже! – вопит Дейв. – Что происходит? Как это все случилось?

И тут, словно по команде, включилась громкая связь. Сквозь треск помех раздался голос пилота; он говорил профессионально-спокойно и гладко, как по писанному. Вряд ли он сохранил бы хладнокровие, если б знал, что всего в нескольких шагах от него лежит на полу Тереза с переломанной шеей.

– К сожалению, по ряду серьезных технических причин я вынужден посадить самолет на воду. Пожалуйста, не расстегивайте ремни, сядьте прямо и наденьте спасательные жилеты, расположенные у вас под креслом. Не надувайте их, пока самолет не сядет. Надев спасательные средства, следуйте указаниям Терезы – она покажет вам, как занять наиболее безопасное для посадки положение и как найти выход. – Громкоговоритель смолк.

Значит, мы все же падаем. Трясущимися руками я натягиваю на себя ярко-желтый спасательный жилет, зная, что мне, может быть, даже не придется им воспользоваться, поскольку меня может разнести на куски от удара о воду и я больше никогда не увижу детей и мужа.

Что же я сказала им в последний раз? Говорила ли я Джерри, что очень его люблю и считаю своим самым лучшим другом? И зачем только я спорила с ним из-за этой дурацкой поездки? О боже, каким он будет чувствовать себя виноватым теперь...

Джош, мой первенец. Когда мы с ним вернулись домой из роддома, я целый месяц не спускала его с рук, даже если он спал. А по ночам в кровати сворачивалась вокруг него клубком так, чтобы он лежал между моими руками и ногами, как в колыбельке, и смотрела, как тихо поднимается и опускается его крошечная грудка. И вот я никогда не увижу его взрослым... Его и малыша Дэниела, у которого всегда грязные ногти и который всегда первым смеется над любой моей дурацкой шуткой. Будет ли он хотя бы помнить меня, когда вырастет?

Застегивая последнюю пряжку жилета, я стараюсь не потревожить болтающийся белый шнурок. И тут вспоминаю – Маргарет. Господи, я так увлеклась разговором с Дейвом Холлом, что совсем забыла о своей спящей свекрови. Я хочу повернуть голову, но гравитация вдавливают меня в кресло так, что слезы бегут из глаз прямо в волосы, оставляя жгучие мокрые дорожки на висках. И зачем я сопротивляюсь? Может, действительно лучше помолиться напоследок, приняв как данность свою скорую смерть? Может, и для Маргарет так будет лучше – умереть во сне, прожив долгую, наполненную жизнь, насладившись под конец фантастическими каникулами?

Но тут во мне просыпается протест, прогоняя прочь сомнения и страхи. Я не сдамся. Буду бороться и за себя, и за Маргарет. Напрягая шею, все же поворачиваю голову вбок.

– Маргарет! Маргарет! – ору я. Она уже очнулась, но ничего не соображает. – МАМ! Я здесь, впереди.

Она бесцельно шарит глазами повсюду, пока не натывается на мой взгляд. Ее пальцы вздрагивают – она хочет протянуть ко мне руку, но не может, пригвожденная к креслу той же силой, что и я.

– Лиллиан! Что происходит?

– Посадка на воду. Слушай меня внимательно. Надо надеть спасательный жилет. Он у тебя под креслом.

– Я не могу. – Она пытается бороться, но недостаточно. – Не могу... о, Боже, прошу тебя, сделай так, чтобы я оказалась дома. – Она зажмуривается. – Отнеси меня домой, к Чарли.

– НЕТ, Маргарет, НЕТ! Нельзя сдаваться. Я тебе запрещаю. Надевай жилет. Быстрее. НЕМЕДЛЕННО!

Ее лицо мокро от слез.

– Я люблю вас всех. Передай Джерри. И мальчикам.

И тут мир вокруг меня взрывается. Мимо проносится металлическая молния и врежется в обшивку в дальнем конце салона. Серебристые осколки наполняют воздух, словно конфетти, – это остатки моего фотоаппарата, они же предвестники грядущих, еще более страшных разрушений. Сила, которая наваливалась на меня прежде, не давая шевельнуть ни рукой, ни ногой, вдруг куда-то исчезает. Тереза рассказывала, какую позу надо принять перед ударом о воду, но я не помню.

Что-то тяжелое ударяет меня в плечо, на миг вышибая из моих легких весь запас воздуха. Пытаясь вдохнуть ртом, я утыкаюсь лицом в опущенные колени и просовываю под них руки.

Ощущение такое, словно мы на полном ходу несемся по ухабистой дороге, трясет так, что руки норовят выскочить из-под меня, хотя я придавливаю их всем своим весом. Второй мотор, тот, который еще работает, взывает, наполняясь водой, и, наконец, захлебывается. И тогда наш самолет делает последний рывок и останавливается.

Я чувствую, как вода затекает мне в кроссовки, и понимаю, что жива. Я оглядываюсь, поворачивая голову сначала в одну сторону, потом в другую, но ничего, кроме темноты, не вижу.

Расстегнув ремень, отталкиваюсь от сиденья и встаю. Ноги дрожат. Я вцепляюсь руками в подголовники кресел и хлюпаю по воде, которая уже поднялась на несколько дюймов. Чей-то голос разбивает оглушительную тишину:

– Лиллиан? Это вы?

Дейв. Похоже, он еще не встал с кресла. Значит, я не одна. Мысль о том, чтобы оказаться одной в такую минуту, страшит не меньше мысли о смерти.

– Дейв, слава богу! Выбирайтесь оттуда. Самолет тонет. – Почему-то мой голос звучит спокойно. – Маргарет, ты слышишь? Нам всем надо выбираться, – кричу я в темноту за своим креслом.

– Погодите, – говорит мне Дейв, – кажется, мне нужна помощь. Я... не могу расстегнуть ремень.

– Держитесь, я сейчас. – Через два шага я врезаюсь в него, а мои руки оказываются на его лице. Лоб у него мокрый и липкий. Кровь. Стараясь не обращать внимания на металлический запах, я на ощупь опускаю руки вдоль его лица, нахожу ворот его рубашки-поло и почему-то чувствую себя виноватой за то, что пачкаю ее кровью. Вода уже покрывает мне лодыжки, когда я, наконец, справляюсь с его ремнем безопасности и отступаю назад, но он по-прежнему не двигается. Мое нетерпение нарастает. Маргарет не издала еще ни звука с тех пор, как мы сели. Я должна найти ее и помочь ей.

– Не могу встать, голова кружится.

– Держитесь. – Я хватаю его за руки и кладу их себе на плечи. – Надо вставать.

Я тяну так, что у меня начинают гореть все мышцы. Дейв наконец поднимается, но его шатает, и он падает на меня так, что его голова вдавливают мою мне в грудную клетку, пережимая горло.

– Дейв, очнитесь! Пожалуйста, вставайте, надо прийти в себя! – хриплю я и тихонько встряхиваю его.

Самолет качается на волнах из стороны в сторону, крупные капли дождя барабанят снаружи по обшивке. Включаются мертвенно-синие аварийные огни, но их моргание только мешает видеть.

Дейв кашляет.

– Я в порядке, в порядке.

– Вы можете стоять? Мне надо добраться до Маргарет.

Он снимает свою голову с моей, делает шаг в сторону, его снова шатает, но он не падает.

– Все нормально. Идите, – говорит Дейв, прислоняясь к стене. – Только быстрее.

Когда мои глаза привыкают к световому стаккато аварийных огней, я различаю позади себя очертания кресла, но Маргарет в нем нет. Вода уже плещется в районе моих коленей.

– Мам, мам! – кричу я. Шатаюсь, делаю шаг вперед, нащупываю опустевший подголовник ее кресла и веду ладонями вниз, по бороздкам мягкой кожи, пока не утыкаюсь в ее согнутую спину. Она вот-вот захлебнется, до того низко свисает в проход ее голова.

Я становлюсь рядом с ней на колени, вздрагивая, когда холодная океанская вода проникает мне под одежду. Лица ее я разглядеть не могу, но дыхание слышу. Приподнимая ее одной рукой, другой тянусь к пряжке ее ремня, как вдруг натываюсь на что-то угловатое и твердое. Не задумываясь, я сбрасываю это в воду и одним рывком расстегиваю ремень – злость, а не страх придает мне силы.

Маргарет оказывается тяжелой, словно кожаный мешок с мокрым песком. Я хочу поднять ее, как поднимают спящих детей, и просовываю одну руку ей под колени, а другой обхватываю ее за плечи. Сидя на корточках, для равновесия упираюсь задом в кресло за моей спиной и силуюсь подняться. Но мне удастся оторвать ее от сиденья не больше, чем на дюйм.

О боже, нет! Как же мне ее вытащить? Мало того, что наш самолет упал, что прямо на моих глазах умерла Тереза, так теперь мне еще придется выбирать между спасением своей жизни и жизни Маргарет?

Эта мысль приводит меня в бешенство, и оно придает мне сил. Вцепившись в свекровь так, что ее сухая старческая кожа едва не лопается под моими пальцами, я снова тяну на себя, чувствуя, как у меня начинают дрожать руки – от усталости, злости или холода, не знаю. Только теперь она не поддается моим усилиям и на дюйм. Судорога сводит мне руки, ползет по телу, по ногам, и скоро меня уже трясет так, словно я продолжаю скакать по волнам вместе с самолетом.

И тут, когда я готовлюсь к третьему рывку, кто-то трогает меня за спину, между лопаток. Это Дейв. Он стоит надо мной.

– Я открыл аварийную дверь, – говорит он, потемневшая от воды и крови рубашка облепляет его торс. – Дернул рычаг спасательной лодки, так что она должна уже надуваться. Надо спешить, а то вода закроет двери.

– Не могу... – Мой голос прерывается. – Не могу ее поднять. Не могу вытащить.

– Не знаю, получится ли у меня, но дайте, я попробую.

Дейв опускается рядом со мной на корточки так, что оказывается почти по горло в воде. Обхватив Маргарет за плечи, он наваливается на меня, и я широко расставляю ноги, чтобы не потерять равновесие.

Я вижу, как блестят в темноте глаза Дейва Холла, и когда я встречаю его взгляд, полный уверенности в успехе, то невольно успокаиваюсь.

– Готовы, Лиллиан? – Я слабо киваю. – На счет три. Раз, два, три!

Почти без усилий мы встаем, поднимая на руках Маргарет, которая кажется теперь почти невесомой. Я перестаю дрожать.

Глава 7. Дейв

Настоящее

В ту ночь в самолете Дейв впервые столкнулся со смертью лицом к лицу. Правда, когда ему было десять, умер его дед, но из похорон ему запомнилось лишь одно – как они все сидели на жестких стульях, а к папе то и дело подходили какие-то незнакомые Дейву люди и заговаривали с ним, а тот им отвечал. Еще он помнил, что в отеле, где они тогда жили, было кабельное телевидение и бассейн, и папа разрешал ему не спать до полуночи и смотреть вместе с кузенами «Эйч-би-оу»¹.

Был, правда, еще один случай – одного парня из их школы насмерть сбил пьяный водитель. Дейв прошел тогда мимо открытого гроба, коротко глянув на мальчика, «спавшего» внутри. Он учился во втором классе, а тот парень – в последнем, и все же в гробу с атласной внутренней обивкой, с торжественно сложенными на груди руками он казался маленьким, как ребенок. В похоронном агентстве ему подкрасили лицо, и от этого он больше походил на манекен, чем на человека.

Все тогда твердили – посмотрите, мол, какой он умиротворенный; но Дейв видел лишь глубокие порезы на боковой стороне его лица, тщательно замазанные для похорон. Однако больше всего его поразило даже не это, а абсолютная безжизненность мертвого лица – ни тебе морщинки на лбу, ни нахальной ухмылки, словом, ничего человеческого.

Лишь увидев мертвую Терезу, Дейв понял, что ничего не знал раньше о смерти, только слышал, что она существует. Но тогда, в какофонии страха, пока мимо него стремительно неслись какие-то предметы, а в ушах звенели чужие крики, Смерть предстала перед ним во всем многообразии своих устрашающих талантов.

Позже, когда они свели более близкое знакомство, Дейв узнал, что Смерть – это вовсе не покой: это борьба, страшная, отвратительная, грязная. И, наконец, Смерть – это пустота. Опустошенное, плавало на воде тело Терезы, пока они с Лили проталкивались мимо нее к выходу, неся на руках Маргарет. Он знал, что та, кого они звали «Терезой», исчезла, и ее никогда больше не будет.

Как уложить это огромное знание в краткий, лаконичный ответ? Дейв не находил слов, и Женевьева Рэндалл, раздраженная его молчанием, громко выдохнула.

– СТОП!

Сильный запах дорогого парфюма окутал его, словно облако. Сомкнув костлявые колени, Женевьева опустилась на кушетку рядом с ним, так близко, что они почти соприкасались ногами. Она подалась вперед, стараясь привлечь к себе его внимание.

– Дэвид, – мурлыкнула журналистка, – мне так жаль, кажется, я сказала что-то не то? У меня такое чувство, что вы вдруг отключились.

Дейв поморгал, пытаясь избавиться от тумана, который застилал его мозги. Надо же, он, оказывается, уже забыл, до чего мучительны бывают эти интервью. Всего час назад Женевьева Рэндалл со своей группой расположилась в его гостиной и начала задавать ему вопросы, а ему уже хочется сорвать с себя микрофон и пойти наверх, поспать немного.

– Дэвид. Вы со мной? – Она помахала перед его лицом ладонью.

К реальности его вернуло имя.

– Я Дейв, – поправил он. Никто и никогда не звал его Дэвидом. Никто, кроме Лили.

– Извините, Дейв, но у нас сроки, интервью нужно обязательно закончить, так что скажите мне, что я сделала не так, и я все исправлю. Дейв?

¹ «Эйч-би-оу» (англ. HBO) – американская кабельная и спутниковая телесеть.

Подбежал Ральф с запотевшим стаканом холодной воды в короткопалой руке и сунул его Дейву. Тот взял, промямлил «спасибо» и вежливо глотнул. Кубики льда зашелестели на дне, когда он снова опустил стакан. М-м-м, вода со льдом... Как иногда скрашивают жизнь такие мелочи, о которых в другое время и не вспоминаешь.

– Да, я понимаю, – продолжал мямлить Дейв, водя указательным пальцем по краю стакана. – Я готов продолжить, как только вы будете готовы.

– Я уже готова, – выдохнула Женестьева; ее теплое дыхание пахло табаком и мятой. – Сейчас я позову Жасмин, пусть она немножко нас подкрасит. – Ее голос ушел куда-то в сторону, и тут же, точно из воздуха, появилась Жасмин. – Давайте договоримся – камеру включаем ровно через пять минут. – Она подняла и подержала перед ним руку с растопыренными пальцами, потом повернулась, решительно пересекла комнату и вышла. Надо же, как она завелась, – может быть, сигаретка ей поможет...

Пока Жасмин суежилась вокруг него со своей кисточкой, Дейв украдкой взглянул на Бет, которая сидела в дальнем конце комнаты, позади всех этих людей с камерами, софитами и звуковым оборудованием. Она поймала его взгляд, и ее лицо выразило что-то вроде заботы. Но Бет тут же опустила глаза и уткнулась в телефон. Дейв знал, что значит этот взгляд. Пять месяцев они жили без камер и репортеров, и никогда еще не были так счастливы, как тогда. Бет не понимала, с чего он вдруг согласился на новое интервью. Она так же не любила слушать его историю, как он – рассказывать.

Голос Женестьевы рассек его мысли.

– Дэвид. Простите, я хотела сказать, Дейв. Вы готовы?

– Да, валяйте, – сказал он нарочито небрежно, устраиваясь поудобнее на мягком диване, всем своим видом показывая, что готов продолжать. Снова подбежал Ральф – на этот раз забрать воду, – и все началось сначала.

– По вашим ощущениям, сколько времени прошло с того момента, когда ваш самолет ударился о воду, и до тех пор, когда вы с Лиллиан и Маргарет Линден покинули его?

– Наверняка не скажу. По ощущениям – целая вечность, но на самом деле минуты, наверное, две-три, не больше. Сначала мы вдвоем вытащили Маргарет, потом из кабины вышел Кент, сам. А еще через пару минут самолет затонул. Будь мы внутри него – ну, если б мы все отключились, как Маргарет, или застряли бы в своих креслах, – нас всех тоже затянуло бы под воду.

– М-м-м-да, хорошенечкая перспектива... Однако ничего этого не случилось, вы смогли спастись. Как вы выбрались из тонущего самолета?

– Думаю, нам помогла удача, ну, и то, что мы действовали сообща. Пока я надувал плот, Лиллиан вытаскивала Маргарет. Кент пытался вызвать помощь по радио, но вода в пилотской кабине поднималась очень быстро, и радио закоротило раньше, чем он успел выйти на связь. Тогда Кент схватил аптечку первой помощи и побежал к выходу. – Надо отдать ему должное. – Эта аптечка не раз потом спасала нам жизнь. Без нее мы просто не выжили бы.

Женестьева выдержала театральную паузу, просматривая свои карточки.

– А как же Тереза Сэмпсон? Кто-нибудь вытаскивал ее из самолета?

Да, рано он решил, что эта тема уже закрыта.

– Нет, она была уже мертва. Пришлось ее оставить.

Мисс Рэндалл застыла с открытым ртом, изображая удивление.

– Вы хотите сказать, никто за ней так и не вернулся?

Дейв склонил голову на бок.

– Нет, мэм. Всем и так было ясно, что она мертва.

– Вы мерили ей пульс? Проверяли дыхание?

– Нет. Но, когда человек мертв, это сразу видно, понимаете? – Разумеется, она не понимала. Откуда ей было понять, что чувствуешь, когда глядишь на человека, а видишь разбитый сосуд, в котором больше нет огня?

Теперь Дейв вспомнил, с чего началась их совместная ложь. Вот именно с этого – они боялись осуждения и не сомневались, что их будут осуждать.

– Хм-м-м, понимаю. – И журналистка усмехнулась, почти как Кент два с лишним года назад, когда услышал о судьбе, постигшей Терезу. Вот и теперь при виде этой усмешки, этого взгляда, почти откровенно обвиняющего, у Дейва вскипела кровь. Он мрачно уставился на Женевьеву, искренне надеясь, что она не пробовала эти свои штучки на Лили.

– Не знаю, на что вы намекаете, мисс Рэндалл, но мы делали все, что могли, причем в самой тяжелой ситуации. Вас там не было, – сказал Дейв, не обращая внимания на устремленный прямо на него глаз камеры, – и никто из вас даже отдаленно не может представить, что мы пережили. – Подавшись вперед, он добавил подчеркнуто громко: – Так что попрошу вас проявлять чуть больше уважения, на будущее.

Женевьева, часто хлопая ресницами, затараторила:

– Попрошу прощения, но я ни на что даже не намекала. Просто из любопытства спросила; правда, Дэвид.

Произнеся его имя, она помедлила, и в этой паузе Дейву почудилось что-то зловещее: ему вдруг показалось, что Женевьева Рэндалл знает о нем куда больше, чем он думал, и полна готовности рассказать эту правду миру.

Но, раз ввязавшись в эту игру, что ему оставалось делать, кроме как сохранять хорошую мину? Он купит свободу себе и Лиллиан, ответив на вопросы из списка Рэндалл, довольно поверхностного, как ему показалось. Или он ошибся и список, наоборот, полон подвохов, к которым он не готов?

Глава 8. Дэвид – день первый

Где-то в южной части Тихого океана

Волны упрямо толкают меня под воду, как хулиганы в бассейне. Я знаю, что совершил роковую ошибку, но выбора у меня не было. Снова и снова обдумывая все произошедшее, прихожу к выводу, что это должен был быть я. Больше некому.

* * *

Широко расставив руки, Лиллиан первой вскарабкалась на восьмиугольник надутого спасательного плота и приготовилась втащить на скользкий желтый пластик миссис Линден. Дождь крупными тяжелыми каплями молотил нас по рукам, головам, спинам, пока она тянула вверх тяжелую, потерявшую сознание женщину, а я толкал ее снизу. Наконец нам удалось это сделать, но от последнего толчка плот отчалил и поплыл, привязанный к самолету длинной веревкой, а я остался стоять в дверном проеме. Потянув за нейлоновый шнур, я вернул плот. И тут Лиллиан приготовилась лезть через борт наружу.

– У Маргарет нет спасательного жилета, – крикнула она, опускаясь на надувную скамью, которая плясала под ней, как горячая лошадь. – Давайте поменяемся местами. Я схожу за ним.

– НЕТ. Времени мало...

– Что поделаешь. – Она не дала мне договорить.

– Может, дадите мне закончить? Я хотел сказать, что вы будете ходить слишком долго.

А я сейчас вернусь. Минут через пять, максимум.

Она поколебалась, но вернулась на место.

– Хорошо, но если самолет начнет тонуть, выбирайтесь сразу, ладно? Обещайте мне.

– А вы сразу берите из кармана лодки нож и перерезайте шнур, иначе вас тоже затянет.

Она шарит обеими руками в пластиковом клапане на борту нашего плавсредства и вынимает оттуда что-то серебристо-оранжевое.

– Нашла! Но вы ведь вернетесь, правда?

– Вернусь, – кричу я и исчезаю в темноте фюзеляжа, где еще продолжают мигать аварийные огни.

Расплескивая все поднимающуюся воду и уворачиваясь от тела Терезы, которое плывет мне навстречу, я добираюсь до кресла Маргарет и выдергиваю из-под него спасательный жилет. Поворачиваясь, чтобы идти назад, ударяюсь обо что-то ногой – рюкзачок Лиллиан. Без раздумий закидываю промокшую насквозь сумку себе на спину и продеваю руки в лямки. Вода уже доходит мне почти до подмышек, так что я скорее плыву, чем иду. Так, еще раз не задеть Терезу. Хорошая она была женщина. Никому не пожелаешь такой смерти.

В овальную дверь самолета хлещет снаружи вода. Потянув шнур спасательного жилета, я делаю глубокий вдох и ныряю в поток, плотно сомкнув губы и зажмурившись, чтобы не наглотаться соленой воды. Отчаянно колотя руками и ногами, думаю только о том, как отплыть от самолета подальше – ведь, идя ко дну, он наверняка утянет с собой и меня.

Когда моя голова все же оказывается на поверхности, я приоткрываю глаза и, щурясь от дождя, начинают высматривать наш плот и Лиллиан в нем. Их нигде нет. Наматывая круги по воде, я беспомощно наблюдаю, как самолет, клонув носом, идет ко дну.

* * *

И вот я плыву. Рюкзак Лиллиан тянет меня вниз, почти сводя на нет подъемную силу моего жилета. Я бы бросил его, но выпутываться в воде из лямок кажется мне слишком обременительным. К тому же я сосредоточен на дыхании и поиске плота с Лиллиан в окружающей воде.

Удар грома разрывает черноту и, кажется, отдается вибрацией во все мое тело. Молния вспыхивает, ломаясь на тысячи осколков в бурлящей воде впереди, и на долю секунды освещает что-то, плывущее по волнам. Вполне возможно, что это какая-нибудь ерунда, а возможно, плот.

Короткие вспышки молний помогают мне не потерять предмет из виду, и я целенаправленно плыву к нему. Правда, страх делает меня неуклюжим, у меня не получается синхронизировать движения рук и ног. Ладно, черт с ней, с синхронностью, главное – правильно дышать. А волны между тем накатывают так часто, что от одной до другой я не успеваю перевести дух, и у меня начинают гореть легкие. Вдруг я получаю мокрый шлепок прямо в лицо, соленая вода просачивается в уголки моих плотно сжатых губ. Тихая темнота внизу тянет меня за ноги, и каждая новая волна погребает меня под собой на секунду дольше предыдущей.

Вот надо мной вырастает новая водяная гора; она словно великан, а я – ее игрушка. Но я успеваю нырнуть под нее раньше, чем она обрушивается на меня. Гора проходит сверху, а я вишу в воде, подо мной – океанская толща. Ее покой так манит, но тут спасательный жилет выталкивает меня на поверхность – он не дает мне сдаться. Прорываясь сквозь пенную шкуру воды, я цепляюсь щекой за скользкий пластик.

– НА ПОМОЩЬ! – ору я, стараясь перекричать шторм. – Лиллиан! Помогите...

Чья-то рука хватает меня сзади за рубашку и втягивает на край плота.

– Вот, – слышу я свой скрипучий голос, – я принес. – И протягиваю спасательный жилет, а сам без сил и без дыхания падаю на дно пляшущего плавсредства.

– Ты что там, заблудился, что ли? – Я почти счастлив слышать грубый голос Кента. Будь у меня больше сил, я бы его обнял.

– Нет, миссис Линден нужен был спасательный жилет. Но, раз уж вы решили пуститься в плавание без меня, для меня это был бы последний заплыв на короткую дистанцию, – пробурчал я, рывком поднимая голову от днища, по которому каталась полутонна волна. – Я чуть не утонул, пока догонял вас. Только не подумай, что я жалуюсь, – саркастически добавляю я.

Щурясь от дождя, вижу Маргарет Линден, которая полулежит на Лиллиан у другого борта. Она по-прежнему без сознания, да и у Лиллиан такой вид, точно она вот-вот отключится. Кент швыряет ей жилет, он ударяет Лиллиан прямо в грудь. Она открывает глаза и кричит:

– Вы... вы живы! Когда вы не вернулись, я подумала... Я думала, мы вас больше не увидим. Я думала... – Ей изменяет голос.

Я жив. Мокрый до нитки, я буквально всей кожей впитываю эти слова. Я уцелел в авиакатастрофе. Я помог спасти человеку жизнь, и я принес сумку.

– У меня для вас кое-что есть, – кричу я и, с риском снова угодить за борт, бреду по вихляющемуся у меня под ногами скользкому желтому дну к Лиллиан – до того мне не терпится показать ей, что я принес. Тут на скамейку напротив плюхается Кент.

– Где Тереза? – Капли стекают по его щекам, затекают в рот. Непривычно видеть его, обычно непроницаемого, таким взволнованным. – Ты видел ее в воде? Я тебя не видел, пока ты не врезался в лодку; может, и ее не вижу. – И он продолжает оглядывать волны вокруг.

У меня вдруг пересыхает во рту, и я открываю его пошире, надеясь поймать побольше пресных капель. Интересно, почему под дождем так легко промокнуть – и так трудно напиться? Пока несколько капель драгоценной влаги стекают мне в распухшую от соли гортань, Кент наклоняется ко мне и заглядывает мне прямо в лицо.

– В чем дело? Где она, Дейв?

Я не знаю, что сказать. Перевожу взгляд на Лиллиан, надеясь на ее помощь, но она нас не слышит. Она вся в крови, прижимает кусок окровавленной ткани к голове миссис Линден, на лацкане светлого пиджака пожилой дамы виден красный потек.

– Чего ты на нее уставился? – рычит Кент. – Отвечай.

Путаясь в словах, я смотрю на свои сморщенные от воды пальцы, чтобы не видеть его лица. Не надо тянуть, лучше сказать все, как есть, – раз, и готово, словно повязку первой помощи сдергиваешь. Я вспоминаю врача, который без обиняков сообщил мне о том, что мой отец умер, не вынеся сердечного приступа. Вот так же и я скажу.

– Кент, не знаю, как тебе сказать... мне очень жаль... Тереза умерла.

Кент, помолчав, фыркнул:

– Да иди ты, придурок, сам не знаешь, что мелешь. Она плавает, как рыба. Ничего с ней не случится. – И он тычет мне толстым пальцем в плечо.

– Она осталась в самолете, Кент!

– Ты-то откуда знаешь? – Он смотрит на меня сверху вниз с отвращением, от которого даже приподнимается его верхняя губа.

– К сожалению, знаю. – Я сажусь на скамью рядом с ним и, как могу, спокойно объясняю. – Когда самолет проходил через турбулентность, она не успела сесть, а когда в нас попала молния и самолет сильно трянуло, она... – У меня снова пересыхает во рту. Я не хочу это говорить. Не хочу помнить об этом. – В общем, когда свет загорелся снова, она лежала на полу с открытыми глазами. И не дышала.

– И ты хочешь сказать мне, что вы ее там бросили?

– Кент, она была мертва, – настаиваю я. – Мы едва успели вытащить миссис Линден; вернись мы еще за телом Терезы, нам и самим оттуда не выбраться. Времени не было.

– Времени, говоришь, не было? На тех двоих, значит, было. – И он тычет пальцем в Лиллиан и миссис Линден, которые жмутся друг к дружке, пытаюсь укрыться от дождя. – У тебя было время притащить этот дурацкий жилет вместе с рюкзаком нашей мамашки, а Терезу ты бросил тонуть вместе с самолетом? – вопит он, весь раскалившись от ярости, которая вдруг пришла у него на смену упрямому отупению. Его пальцы впиваются в мою рубашку так, что ее ворот сдавливает мне на горло.

– Она была мертва. Что я мог поделать? Честное слово, ничего.

Кент встает на кренящемся плоту лицом ко мне и делает попытку поднять меня в воздух. Он на добрую голову ниже меня и, по крайней мере, фунтов на двадцать тяжелее, но, несмотря на свое выпирающее брюшко, еще вполне мускулист. Я пытаюсь высвободиться из его хватки, но борьба с водой ослабила меня; мне не вырваться из его лап, которые пригибают меня к пенящейся бездне. Сколько меня продержит на плаву мой жилет? И когда меня учуют акулы – до или уже после того, как остановится мое сердце?

Вдруг, без всякой видимой причины, он швыряет меня на дно. Я вползаю на скамью, съеживаюсь и сижу, следя за каждым его движением. А Кент отходит от меня и падает на соседнюю скамью.

– Я сейчас прыгну, – решительно говорит он. – Не могу я, чтобы она оставалась там одна. Вернусь за ней.

– Ты не достанешь ее, Кент. Самолет уже ушел под воду. – Нельзя, чтобы он нас бросил. Ведь я не знаю, ни как включить маяк, ни как оказать первую помощь – ну, разве что смогу

открыть аптечку. А он знает этот океан, он летает над ним каждый день. Мне никогда не нравился Кент, но сейчас он нам нужен.

Кент срывает с себя сначала спасательный жилет, потом форменную рубашку пилота и остается в мокрой насквозь белой майке, а рубашку протягивает мне.

– Отдашь это моей ма, если я не выплыву, – бормочет он.

Рубаха повисает в моей руке. Надо бы мне прямо сейчас спросить у Кента адрес его матушки, потому что я уверен – он не выплывет.

– Пожалуйста, останься в лодке и надень свой жилет. Когда придут спасатели, они ее вытащат. Наверняка. Держи свою рубашку. Надевай.

– Нет, – качает он головой. – Я не могу ее бросить. Лучше я сам умру.

– Ну, значит, и умрете, – кричит с того конца лодки Лиллиан, подаваясь вперед при каждом слове, так сильно ей приходится напрягать голос. – Вместе с Терезой и с Маргарет.

Пожилая дама лежит, уткнувшись головой ей в колени. Мертвая.

– Как скажете, леди. Я плыву за ней, и никто меня не остановит.

– Вообще-то это моя вина, – говорит вдруг Лиллиан, – что Тереза умерла. Не будь в этом самолете меня, она, наверное, была бы сейчас жива. – Дождь припускает еще сильнее, постепенно смывая с нее кровь, которой она измазана, точно краской.

Кент бросает высматривать в океане невидимый самолет и поворачивается к ней.

– Что вы хотите этим сказать?

– Это я сидела в ее кресле, когда началась турбулентность. Она хотела подойти к моему, но тут самолет так трянуло, что ее швырнуло об потолок. А когда свет загорелся снова, она была уже мертва. Если б не я, она сидела бы на своем месте, пристегнутая. И была бы теперь здесь, с вами. – Лиллиан обеими руками показывает, где именно. Надеюсь, она не повредила в уме.

– С чего это вы решили мне все прямо сейчас выложить, а? Какой вам в этом резон? Чувствуете себя виноватой, что флиртовали с Дейвом? Хотите умереть с чистой совестью? – Хищная улыбка раздвигает уголки его рта, приподнимает губы, так что мы видим оскал его зубов. – Да, Тереза рассказала мне, как вы там сидели и болтали, забыв обо всем на свете, – ну, прямо пара подростков, да и только.

– Ты сам не знаешь, что мелешь, – вмешиваюсь я в надежде хоть как-то исправить ситуацию. – Мы просто разговаривали. И вообще, она замужем.

– Да, и ты вроде как тоже женат, Ромео.

Я открываю рот, чтобы начать возражать, но тут же закрываю его, не сказав ни слова. Спорить с Кентом все равно бесполезно, лучше попытаться образумить Лиллиан.

– Смерть Терезы – это несчастный случай. Вы ведь не знали, что будет потом, никто этого не знал. Нельзя себя винить.

Лиллиан трясет головой.

– Дело не только в Терезе. Есть еще Маргарет. – Имя свекрови дается ей с трудом. – Я и ее убила.

Эти слова она произносит уверенно и четко. Но меня поражает гипнотический эффект, который они производят на Кента. Он поворачивается к океану спиной и, постарев вдруг на десяток лет, опускается на надувную скамью, молча.

– Помните, Дейв, как Тереза попросила меня убрать компьютер? – продолжает Лиллиан. – Когда мы ударились о воду, он как-то... – Она опускает глаза на безжизненное тело у себя на коленях и нежно проводит пальцами по волосам, которые закрывают лицо Маргарет; потом убирает ей за ухо прядь, и я вижу на виске у пожилой женщины глубокую рану, из которой сочится кровь. – Он ударил ее в голову. И лежал на ее коленях, когда мы тащили ее из самолета. Если б я не была такой беспечной, а сидела бы на своем месте и больше думала бы о матери своего мужа, чем о...

– Хватит, – обрываю ее я. – Никого вы не убивали.

– Ну не знаю, Дейв, она говорит так убедительно, – фыркает Кент. У меня начинают чесаться руки.

– Заткнись, Кент! Не будь таким идиотом, оставь ее в покое.

Он выпрямляет спину, окидывает меня с головы до ног внимательным взглядом, словно изучая мои слабые места на случай драки, и раздувает грудь, как рассерженный бойцовый петух. Лиллиан протягивает к нам руку.

– Прекратите, хватит! Дейв, прошу вас, дайте мне закончить! – говорит она так раздраженно, словно я чем-то ее обидел. Еще с полсекунды я тоже меряю Кента взглядом, а потом сажусь, решив отныне быть лишь наблюдателем.

– Я говорю, это моя вина, что двое людей расстались сегодня с жизнью; они умерли из-за меня. И поэтому я совсем не хочу, чтобы был еще и третий. А если вы прыгнете сейчас в воду, Кент, то наверняка утонете. – И она показывает на пляшущие вокруг нас волны. – Вряд ли вы сможете меня простить, но я прошу вас: оставайтесь. Пожалуйста.

Кент сидит, то поднимаясь, то опускаясь вместе с плотом, игрушкой в пенистых лапах шторма. Когда я уже начинаю сомневаться, не впал ли он в кому, пилот поворачивается к волнам и в последний раз обшаривает взглядом бушующий океан. Его низкий, покрытый морщинами лоб наморщивается еще сильнее. Видимо, он любит Терезу и не может свыкнуться с мыслью, что она ушла навсегда. Даже представить не могу, что бы я чувствовал на его месте.

А если б это Бет уходила сейчас на дно вместе с самолетом? И я знал бы, что никогда больше не проснусь от того, что ее ледяные ноги прижаты в постели к моим икрам, и никогда не услышу, как она вздыхает над очередной моей дурацкой шуткой? Что, если б один миг разрушил все наши планы, включая и нашу мечту стать родителями в один прекрасный день?

На короткое время я забываю о том, что мне холодно и мокро, а горло саднит так, словно из него вот-вот хлынет кровь, и я принимаю решение: если он еще не передумал плыть за ней, я не стану его удерживать.

Кент задает Лиллиан последний вопрос:

– Ты точно знаешь? В смысле, она точно была мертва? – Его голос звучит до странности спокойно, и от этого, как и вообще от всех его замашек – вспыльчивости, бегающего взгляда, – мне вдруг становится немного не по себе.

Лиллиан кивает.

– Да, к сожалению, точно.

Он открывает рот, будто хочет еще поспорить, но тут же закрывает его и обмякает на сиденье.

– Я остаюсь.

Грустная улыбка скользит по лицу Лиллиан, но она тут же прячет его в ладони и всхлипывает. Мне хочется подойти и ободрить ее, как она ободряла меня после звонка Бет. Нет, ладно, скажу правду: мне просто хочется ощутить тепло другого человеческого тела, прижаться к кому-то напоследок, ведь я не верю, что переживу эту ночь.

Я елжу задом по борту нашего восьмиугольного плотика, пока не подбираюсь к ней так близко, что могу дотянуться рукой до ее плеча. Но я слишком долго думал: огромная волна вдруг обрушивается на наш плот и едва не опрокидывает его. Плавающий кусок желтого пластика встает на дыбы под нашими ногами, и я в панике пытаюсь ухватиться за первое, что попадется под руку, лишь бы не оказаться за бортом. Но под руку ничего не попадает, и мне остается лишь свернуться калачиком и держаться за самого себя.

Я еще долго лежу в этой позе испуганной черепахи, даже когда наш плот перестает отплясывать бешеную джигу, дождь стихает и недавний шторм сменяется некрупной рябью. Я просто не в силах распрямиться. Постепенно меня одолевает сон. Мое измученное тело

отдается ему с благодарностью, отключаясь несмотря ни на что. Засыпая, я думаю о том, что если мне и будут сниться кошмары, то вряд ли они окажутся страшнее реальности.

Глава 9. Лиллиан

Настоящее

Добравшись до верхней ступеньки лестницы, Лиллиан едва не падала от усталости. Даже схватилась за перила, чтобы удержаться на ногах. Ступни гудели в стильных, но тесных зеленых лодочках от Версаче, высовывавших из-под джинсов свои узкие носы. Неужели можно так вымотаться всего за полтора часа разговора, который ведешь, сидя в кресле?

Просунув указательный палец сначала под один ремешок на пятке, потом под другой, она с трудом стащила с себя туфли. Этот наряд для съемки выбирала ей Джилл; сидит теперь, небось, дома да похихатывает. Но ничего, Лиллиан еще поговорит с ней вечером, когда этот суматошный день закончится.

Джилл твердила, что изумрудно-зеленый распашной топ с низким вырезом подчеркнет глаза Лиллиан и выгодно обозначит талию, но она, вместо того чтобы, как ей было обещано, чувствовать себя соблазнительной пышкой, стеснялась и не знала, куда деваться от стыда. Впереди топ оказался вырезан настолько низко, что ей все время приходилось сидеть прямо, точно она проглотила кочергу, и все ради того, чтобы ее прелести не вываливались прямо в камеру.

Привыкнуть к новому размеру лифчика тоже было не просто. Почти всю жизнь, не исключая беременностей и кормления, она носила чашечку размера В, а за последние несколько месяцев вдруг округлилась, как внезапно созревшая девочка, причем не только в груди.

А все потому, что после полутора лет, проведенных впроголодь, Лиллиан никак не могла наесться. Стоило только ей ощутить приближение голода, как ею тут же овладевала неконтролируемая паника, сродни животному инстинкту. Через восемь месяцев после того, как их спасли, она все еще уверенно держалась на отметке двадцать фунтов плюс к своему весу «до» и пятьдесят к тому, «когда она чуть не умерла на острове».

Но несмотря на то, что она была из тех женщин, кому стройность всегда давалась без усилий, сейчас ей даже нравилась ее новая, округлившаяся фигура. Туго натянутая на талии ткань словно обещала, что она никогда больше не будет ходить голодной, а короткого визита в кладовую было достаточно, чтобы устранить малейшее ощущение неполноты в желудке.

Когда через две недели после спасения она вышла из больницы в сопровождении Джерри, то жалась к нему, стараясь спрятаться от вспышек фотоаппаратов и назойливого блеска камер. Но Джерри не прижимал ее к себе, как она ожидала. Его рука зависла где-то в районе ее бока, едва касаясь кожи, как будто Лиллиан была стеклянной.

Она была уверена: это значит, что он ее больше не любит или жалеет, что ее спасли. Но, встав перед ростовым зеркалом в номере отеля, Лиллиан поняла, почему он держал ее на расстоянии вытянутой руки от себя.

Ее тело не просто исхудало; сквозь кожу явственно был виден скелет. С любопытством она провела пальцем по очертаниям тазовых костей. Они так торчали, натягивая кожу, что Лиллиан побоялась как-нибудь нечаянно проткнуть ее пальцем. Тогда она провела ладонью по животу. Под пуговкой пупка грустно висела пустая складка кожи в серебристых разводах растяжек. Она забрала эту морщинистую кожу между пальцев, радуясь отметинам на ней, которые напоминали ей о том, почему она так отчаянно цеплялась за жизнь.

Если б не эти паутинные линии на животе, тело, которое она видела перед собой в зеркале, показалось бы ей совсем чужим. Точнее, оно напоминало знакомый некогда пейзаж, изуродованный ужасной природной катастрофой. Лиллиан пересчитывала свои ребра, ясно видимые под туго натянутой кожей, а по ее худому лицу бежали слезы, вытекая из когда-то

ярких, а теперь запавших и потускневших глаз. Ей вдруг стало понятно отвращение Джерри, и она больше не винила его за то, что он не находил в себе сил прикоснуться к этой женщине в зеркале. Ей и самой была противна эта незнакомка.

Теперь все по-другому. Лиллиан с улыбкой растирала свои затекшие ступни. В последнее время они с Джерри вообще были как молодожены. Стоило ей встать к нему поближе, как его пальцы тут же начинали исследовать ее гладкую кожу с уютными подушечками жирка под ней, а когда она просыпалась, как обычно, среди ночи, то обнаруживала, что он лежит, подкатившись к ней сзади и положив голову на ее округлившееся плечо или руку.

Что ж, если несколько фунтов лишнего веса и покупка нового гардероба – это цена вновь раздутого пламя страсти, то она согласна. Сунув ноги в туфли, Лиллиан с неохотой натянула ремешки. Ощущение было такое, будто за ту минуту, что она провела босой, ее ноги выросли на целый размер. Стараясь не потерять равновесия, она толкнула дверь спальни. Джерри сидел на кровати в очках для чтения и увлеченно что-то печатал, его светло-русые волосы разделял аккуратный пробор. На нем был строгий костюм – тот самый, в тонкую полоску, приберегаемый для свадеб и похорон. В том числе и ее.

Сам того не замечая, Джерри потирал друг о друга ноги в носках – точно, как Дэниел, когда тот увлеченно смотрел какой-нибудь фильм и забывал обо всем на свете. Эх, если б не сверкающий черным глянцем компьютер у него на коленях и не документы, разбросанные по всей их просторной, королевского размера кровати с четырьмя столбиками по углам, как бы она сейчас прыгнула на него и обняла крепко-крепко... Вместо этого Лиллиан, бесшумно ступая по шоколадно-коричневым прядям лохматого ковра, тихо пошла через комнату.

– Эй, как дела? – шепнула она, поглаживая вишнево-красную пипочку, венчавшую столбик кровати. Джерри поднял глаза от компьютера и снял очки. Яркая улыбка озарила его лицо.

– Привет, красотка, вот так сюрприз. Как там у вас внизу? Устроили перерыв?

– Ага, мы еще и до половины не дошли, но у одной из камер сдохли батареи, вот мы и взяли паузу.

– М-м-м-м, – промычал он, кусая резиновый заушник очков. – Ну, и как там пресловутая Женестьева Рэндалл? Такая же страшная, как по телевизору?

Джерри никогда не был фанатом Женестьева. Называл ее шарлатанкой, говорил, что она все время переигрывает. За это Лиллиан считала его страшно милым.

– Хуже; я подозреваю, что она робот.

– И какой же – злой или добрый? – поинтересовался Джерри, игриво приподняв бровь.

– Злой, конечно, разве бывают какие-то другие?

– Туше. – Он рассмеялся. – Ну, и как же робот обращается с моей женой? Уже пытался обрести контроль над твоим телом?

– Контроль обретают «чужие». Двойка тебе по киношному зловедению.

– Извини, роботы, конечно, не «чужие», я понял. – Он сложил дужки очков и выпрямил спину. – Нет, по правде, какая она? Сильно отличается от других?

Лиллиан потрясла головой, уставившись в невидимую точку на покрывале и изо всех сил стараясь казаться спокойной.

– Нет, такая же, как и все репортеры. Все время старается вызвать меня на эмоции, получить свою «настоящую» историю... Ну, ты понимаешь, о чем я.

– Да, конечно. – Джерри опустил крышку компьютера и сунул его под кровать. – Иди ко мне, сюда, расслабься ненадолго. – Он немного подвинулся, слегка поерзав по покрывалу и смяв пару бумаг, потом похлопал ладонью по освободившемуся местечку рядом с собой.

– Я туда не влезу, – вздохнула Лиллиан, на глазок сопоставляя скромные размеры освободившегося пространства и свои щедрые сегодняшние габариты. Но он ничего не хотел слушать и снова похлопал по покрывалу. Скидывая туфли, она с сомнением подняла брови,

но Джерри отказался понимать и этот намек. Его рука скользнула вокруг ее талии, пальцы просунулись в петельку для ремня на спине.

– Ничего, мы тебя втиснем. – Одним резким рывком он усадил ее на нагретое им место так, что ее ноги оказались под его собственными, а голова легла ему на грудь, макушкой под подбородок, так что она слышала, как бьется его сердце.

От него пахло любимым одеколоном, тем, что она купила ему в «Мейсис», когда он стал партнером в фирме, за год до ее поездки на Фиджи. Джерри пользовался им только в особых случаях – для важного выступления в суде, к примеру, или когда они выходили куда-то вдвоем, – не просто пробежаться по «Уолмарту» в поисках кухонных контейнеров и перехватить чего-нибудь в «Тако Белл», а на серьезное мероприятие. Он был не из тех мужчин, которые поливают себя парфюмом так, что рядом с ними спичкой чиркнуть страшно. Нет, в отношении запахов Джерри был так же умерен и консервативен, как и вообще во всем – позволял себе только один вспрыск. Лиллиан зарылась носом в складку на его шее, вдыхая аромат.

– Ты никому ничего не обязана, помни.

– Знаю. – Лиллиан помолчала, задумавшись, как ему объяснить. – Но я сама хочу.

Джерри сидел неподвижно, правой рукой обнимая жену, левой поглаживая ее свободную руку. От его легких прикосновений по спине у нее бежали мурашки. Она запрокинула голову, чтобы поцеловать его в шею.

Устраиваясь на кровати поудобнее, Лиллиан думала о том, какие мысли крутятся сейчас в голове у Джерри. В такие моменты, как этот, ей всегда хотелось рассказать ему все от начала до конца, без утайки. Но она всегда вовремя одумывалась и вспоминала, почему ей надо молчать и как изменится вся их жизнь, если он узнает.

– Не понимаю, зачем тебе все это? Мне казалось, что ты терпеть не можешь и интервью, и журналистов. – Кожей головы она ощутила его горячее дыхание, когда он зарылся в ее волосы носом.

– Я хочу, чтобы все наконец кончилось, и считаю, что если они получают всю нашу историю целиком, то отстанут от нас. Да и контракт они предложили особый; ты же сам говорил, что пункт об эксклюзивности обойти никак нельзя. Так что это будет последнее интервью... в нашей жизни.

Он засмеялся и покачал головой, проводя губами по ее волосам.

– Так-то оно так, но в любом контракте можно найти лазейки. Даже при том, что у тебя есть отличный адвокат, думаю, что одним интервью эти стервятники не насытятся. – Он помолчал. – Значит, Дейв тоже согласился, я правильно понимаю?

У нее застучало в висках, когда она услышала это имя. Лиллиан не любила говорить о нем с Джерри, хотя тот клялся, что больше не ревнует; а ведь не так давно его отчаянная ревность угрожала сожрать их брак, как стена огня пожирает лес. Каждый раз, когда Джерри сам заговаривал о Дейве, она внутренне готовилась защищаться.

– Видимо, да. – Лиллиан постаралась, чтобы ее голос прозвучал безразлично. – Один из прислужников робота раскололся. Сказал, что на следующей неделе они едут в Калифорнию снимать его часть.

– Значит, ты с ним не говорила? – продолжал он осторожно прошупывать почву.

– Нет, Джерри, – выплюнула она. – Я не говорила с Дэвидом... – Лиллиан скрипнула зубами. Черт, нельзя его так больше называть. – Я хотела сказать, с Дейвом, потому что ты попросил меня больше этого не делать. Я и не делаю, уже пять месяцев. – Тут она споткнулась. Если б Джерри знал, какой искушенной лгуньей она стала за последнее время, то сразу поверил бы ей сейчас. Это ложь – по крайней мере, хорошая ложь – требует тщательного продумывания и точного исполнения. А правда срывается с языка такой, какая есть. Непричесанная. Но Джерри ничего этого не знает.

Он снимает руку с плеча Лиллиан, и она свешивается с края кровати.

– Х-м-м-м, ну ладно. Просто когда я в последний раз говорил с Бет, она сказала мне, что они покончили с любыми интервью, вот я и удивился.

– А когда ты говорил с Бет? – Она отодвинулась от него ровно настолько, чтобы видеть его лицо. Джерри и Бет познакомились на Фиджи сразу после катастрофы, и потом поддерживали приятельские отношения на расстоянии. Но Лиллиан понятия не имела, что они до сих пор общаются. Это небезопасно – позволять Джерри и Бет болтать наедине.

– Давно, несколько месяцев назад. – Он небрежно махнул рукой. – Она звонила мне в офис, хотела получить консультацию насчет компенсации от «Карлтона». Судя по голосу, Бет была счастлива, что Дейв дома. Говорила, что они не дают больше интервью, потому что снова пытаются забеременеть и не хотят, чтобы стресс им помешал. – Джерри пожал плечами. – Может, у них уже все получилось. И интервью больше не проблема.

– Может быть. – Лиллиан пожала плечом, стараясь подражать беззаботному тону Джерри, хотя вообще-то ей хотелось плакать. Джерри положил ладонь ей между лопаток и слегка надавил, снова привлекая ее к себе на грудь.

– Ну, и до чего вы уже добрались там, внизу? – Он явно хотел сменить тему. Лиллиан подыграла.

– Едва обсудили катастрофу. Совсем немного, а тут эта батарея возьми и разрядись. И знаешь, Женестьева Рэндалл так разозлилась...

– Вот уж не думал, что роботы способны на эмоции.

– Насчет эмоций не знаю, а раздражаться наш конкретный робот очень даже способен. Джерри посмеялся и стал раскручивать ее на подробности:

– А что у вас там дальше по плану?

– В моем списке вся серия вопросов о выживании. Ты замечал, как люди интересуются этой темой? Но, боюсь, тут Женестьева будет разочарована, ведь я почти не имела к этому отношения. Проблемами выживания занимались по большей части Кент и Дейв. Я собирала плоды и вообще все, что можно съесть, а они ходили на охоту – такой вот бессовестный сексизм.

– Ничего, надеюсь, феминистки тебя простят.

– Поживем – увидим. Но мне почему-то кажется, что я еще получу кучу писем совсем другого содержания. У каждого ведь свое мнение, и никто не хочет держать его при себе. Но мне, в общем-то, наплевать. Ну а потом... – Она помешкала, придвинулась поближе и просунула свои вдруг похолодевшие ладони ему под бедра. – Потом переход на личности: Маргарет, Дэвид, Кент и... Пол.

Последнее имя она шепнула, словно по секрету. И сразу почувствовала, как Джерри скрипнул зубами поверх ее макушки. Лиллиан порадовалась, что не видит его лица.

– Вот уж где Женестьева Рэндалл порезвится. – Он произнес это со злостью, но Лиллиан не поняла, на кого именно. – Ладно, может быть, я спущусь к финалу, когда тебя спасут. После всего – ну, ты понимаешь. – Его слова причиняли ей боль, и, хотя они сидели сейчас в обнимку, впечатление все равно было такое, будто между ними тысячи миль.

– Знаешь что, Джер? Не приходи. Я справлюсь. Если для тебя это такая большая жертва, то не надо.

– Господи. Ты же знаешь, что для меня та часть истории – самое страшное. Я просто не могу слушать ее снова.

Лиллиан обеими ладонями уперлась ему в грудь и выпрямилась.

– Как мне жаль, что тебе неприятно слышать эту историю; видит бог, я совсем не хочу тебя расстраивать. Только не забывай, пожалуйста, что для меня это никакая не история. Это часть моей жизни.

Джерри приподнялся на локте.

– То есть я же еще и виноват? Да ты только послушай, как ты говоришь о нем. Ты же его любила. Разве я могу не ревновать?

– Не знаю. Я еще понимаю, что ты ревнуешь меня к Дэвиду – он в Калифорнии, до него хотя бы долететь можно. Но к Полу... Он же умер, Джер, его нет – к кому тут ревновать?

Внимание Джерри внезапно привлекла одна из темно-синих пуговиц на пиджаке.

– А я и ревную тебя к Дэвиду. Ведь невооруженным глазом видно, что он влюблен в тебя по уши. Но с этим я справлюсь, хотя бы потому, что ты предпочла меня, а не его. Когда вы вернулись, ты ведь могла остаться с ним, вот и всё. Видит бог, свистни ты ему хоть сегодня, он тут же бросит бедную Бет и опрометью примчится к тебе.

– Не будь смешон.

– Это не я смешон, а ты, потому что отказываешься признавать очевидное. Ты не видишь того, что вижу я, и ведешь себя как наивная девочка. – Теперь Джерри говорил как в суде. Его снисходительная интонация злила Лиллиан.

– Это я-то девочка? А ты со своей «бедной Бет»? Думаешь, ты не наивен? Если б ты знал об этой женщине то, что знаю я, то не жалел бы ее так сильно. – И она плюхнулась на стеганое покрывало сливочного цвета.

– Пожалуйста, объясни, что ты имеешь в виду. Я весь внимание. И знаешь почему? Потому что вот это, – он нацелил на нее дрожащий указательный палец, – куда больше похоже на речь ревнивой любовницы, чем заботливой подруги.

– Нет, хватит, – и она подняла обе руки, сдаваясь. – Давай не будем об этом, ладно? Не хочу опять ворошить всю эту историю с Дейвом.

Джерри наморщил лоб, вглядываясь ей в лицо. Лиллиан могла только гадать, что он надеялся там найти. Но она держала голову высоко, как будто скрывать ей было нечего. Потом заметила, что его глаза, обычно серые, сейчас потемнели от влаги и чего-то похожего на робость. Редкое зрелище для ее такого обычно уверенного в себе мужа. Пуговка, которую он крутил, упала на покрывало. Джерри поднял ее и поглядел на нее с таким огорчением, словно потерял не пуговицу, а что-то по-настоящему важное и ценное.

– Кажется, нам все еще рано говорить об этом, – сказал он, по-прежнему глядя на пуговицу. – Но ничего, я справлюсь. Ведь ты выбрала нас. А Дейва мне даже немного жаль. Только не думай, я также не могу его терпеть, как раньше, но, по крайней мере, мы с ним понимаем друг друга. Я ревную тебя к тому времени, что вы провели вместе, а он ревнует тебя к нашему с тобой будущему. И я его не виню. Но Пол... – Он помедлил и поднял на нее неуверенный взгляд. – По-моему, ты и сейчас готова ради него на что угодно. И в любую минуту пожертвовала бы всем, что у тебя есть, лишь бы вернуть его.

Лиллиан приготовилась было отрицать, но не могла. Смерть Пола, которого она закопала в сухом, горячем песке подле Маргарет, была самой страшной потерей в ее жизни. Вся печаль мира не исчерпывала ее чувства к нему. После она лежала на его могилке, пока Дейв насильно не оттащил ее прочь. Горе наполняло ее тогда до самых краев, и ей казалось, что в жизни никогда уже не будет ничего, кроме горя. Отрицать это сейчас значило бы предать память Пола. И потерять его еще раз.

Джерри нежно коснулся ее щеки ладонью, большим пальцем смахнул с нее слезу.

– Так я и думал. – Он сел, забытые бумаги зашуршали под ним. – Его смерть для тебя трагедия. Мне очень жаль, что тебе пришлось такое пережить, но еще больше я жалею, что ты никак не можешь забыть его, не можешь принять тот факт, что мы, твоя семья, здесь, с тобой, и ты нужна нам. – Голос Джерри дрогнул, глаза снова наполнились слезами. Это проявление слабости сильного обычно человека обезоружило Лиллиан.

– Мне так его не хватает, Джерри... Он не должен был умирать. Я должна была спасти его. Если б ты видел его, то все понял бы, и мне так больно, что ты не понимаешь. А еще мне больно снова говорить об этом, раз за разом пережевывать все те же подробности...

Знаешь, – сказала она и провела по его голубому галстуку пальцем, – иногда я даже жалею, что рассказала тебе о нем; лучше бы я молчала.

Джерри взял ее за руку, и ее пальцы утонули в его большой ладони.

– Иногда я тоже об этом жалею. – И он обхватил ее другой рукой и притянул к себе, а она уткнулась лицом ему в грудь, точно прячась и от него, и от своих воспоминаний, которые он не хотел, чтобы она хранила.

– Прости, что я завел этот разговор, Лил, – прошептал ей в ухо Джерри. – С сегодняшнего дня мы больше не будем говорить о нем, если ты не хочешь. Я тебя люблю, ты опять дома, и это самое главное. – Лиллиан кивнула и потерлась носом о крахмальную грудь его рубашки. – Я виноват перед тобой и хочу попросить у тебя прощения. Хочешь, сходим сегодня куда-нибудь вдвоем, только ты и я? Давай, пока ты заканчиваешь интервью, я вызову детям няню, ладно?

– Ты такой милый, Джер, но мне что-то никуда сегодня не хочется, – сказала она, вытирая нос рукавом топа, отчего на дорогой зеленой материи появилось влажное темное пятно. – Вот черт! Только этого мне сейчас и не хватало.

– Не волнуйся. Сейчас мы все поправим. – Джерри убрал выбившиеся из прически прядки, которые прилипли к влажным дорожкам на ее лице. – Но тогда сегодня вечером я укладываю детей спать и готовлю ужин, ладно? А потом можно посмотреть кино. Выберем что-нибудь без самолетов и природных катастроф, обещаю.

И он улыбнулся ей жалобно, как Джош, когда ему случалось наследить в гостиную, или как Дэниел, когда ему хотелось на ужин пиццу, а не куриные фрикадельки. Против этой наследственной улыбки Лиллиан была безоружна.

– А теперь иди, почисти перышки, пока не началась съемка. – Он погладил ее по волосам, почти окаменевшим от многочисленных средств для фиксации и укладки. – Боюсь, что моя рубашка слегка испортила твой макияж. – На ней красовались пятна черной туши, полосы от контурного карандаша и кляксы от тон-крема.

– О, нет, это же твоя любимая рубашка, а мы ее испортили. – И Лиллиан поводила пальцем по полосам и пятнам, добавляя еще один предмет к списку разрушенных и уничтоженных ею вещей.

– Ничего страшного, отстирается, – отмахнулся Джерри. – А если нет – пустяки. В конце концов, это всего лишь рубашка.

– Да, но... – приготовилась спорить Лиллиан, когда он наклонился вперед.

Их губы встретились и прильнули друг к другу идеально, как всегда, так что тепло разлилось у нее в груди, пробежало по рукам и ногам до самых кончиков пальцев, и она почувствовала, как его сердце стучит прямо за этими пятнами у него на рубашке. Джерри взял ее за плечи и опрокинул на усыпанную бумагами кровать, так, что она только хихикнула ему в горячие губы. И когда они скользнули по ее шее сначала к плечу, а потом повели агрессивную атаку на самую линию выреза, все мысли, с самого утра хаотически метавшиеся у нее в голове, вдруг оставили ее, и в памяти осталось лишь одно – она дома.

Глава 10. Лили – день второй

Где-то в южной части Тихого океана

Тепло просачивается через мою футболку, пробуждая меня от того прерывистого сна, в который я погрузилась ночью. Вместе с сознанием пульсирующими толчками возвращается память. Воспоминания о катастрофе плещутся вокруг, норовя затопить меня, яркие, точно цифровое видео высокого разрешения. Яростно кренится самолет, Тереза с хрустом ударяется о потолок всем телом, струя крови, густой и горячей, стекает по лицу Маргарет, дикий взгляд Кента отдает безумием. Стоит мне задержаться мыслью на каком-то одном из кадров, как другие начинают с бешеной скоростью прокручиваться в моем мозгу, заставляя меня переживать изображенные на них мгновения снова и снова.

Но я не хочу воспоминаний – по крайней мере таких. Они слишком болезненны, слишком свежи. И я стремительно проматываю ленту памяти вперед, к тем часам, когда над нами висела серая сетка дождя, казавшегося бесконечным, а мы дрожали под ней, немые, холодные, мокрые. Память милостиво не сохранила почти никаких подробностей того времени – помню лишь клцанье собственных зубов на фоне раскатов грома и шума волн. Вот и хорошо.

Но теперь откуда-то с высоты бьют солнечные лучи, и я понятия не имею, сколько времени прошло после катастрофы. Солнце припекает мне кожу – это хорошо, значит, я жива, но, с другой стороны, это означает также и то, что нас не спасли. Глаза начинает покалывать: похоже, они пытаются превратить в слезы то, что еще осталось в моем теле жидкого. Солнце настырно лезет в глаза: даже сквозь сомкнутые веки оно ярко-желтое и ужасно горячее. Вот и причина номер пятьдесят семь, почему глаза надо продолжать держать закрытыми.

Жалко, что мысли так стремительно несутся куда-то в голове, поскальзываясь на разных там «если бы» и «а вдруг», которые я давно стараюсь держать от себя подальше. И тут я наталкиваюсь на ощущение, от которого кровь стынет в моих жилах, и я просыпаюсь окончательно. Мои колени пусты. На них нет Маргарет.

Вплоть до самых последних путаных мгновений перед тем, как черное непроницаемое покрывало сна окутало меня, я радовалась, что ее голова давит мне на колени. Теперь там пусто и легко, но эта легкость тревожнее прежней тяжести – помню, я уже испытала такое однажды, с Джошем, когда он только родился и я впервые взяла его на руки, зная, что есть прямое соответствие между этой тяжестью у меня на руках и пустотой в моей утробе. Я должна найти ее, привезти домой и похоронить рядом с Чарли.

Усилием воли я поднимаю пылающие веки, чувствуя, как под ними перекачиваются песчинки, царапая мне глазные яблоки. Нет, это не песок, просто лишенная привычной слезной смазки изнанка век причиняет боль моим глазам. Неужели я уже потеряла так много жидкости?

Я долго и часто моргаю, привыкая держать глаза открытыми. Но и тогда прямое беспощадное солнце ослепляет меня; я как крот, вылезший из безопасности своих подземных тоннелей на поверхность. Когда я уже не сомневаюсь, что ослепла полностью и навсегда, из уголков моих глаз начинает сочиться спасительная жидкость. Я снова зажмуриваюсь, чтобы не дать испариться даже микроскопической доле этой влаги раньше, чем она увлажнит мне глаза. Но время проходит, а открывать глаза все-таки нужно. Оттого, что я буду лежать здесь зажмурившись, она не вернется к жизни.

Это напоминает мне тот дикий эксперимент, о котором нам рассказывали на уроке физики в колледже: про кошку в коробке, которая и жива, и мертва в одно и то же время. Как там говорили эти ненормальные? Надо собраться с духом и заглянуть внутрь, только тогда

одна из двух возможностей вытеснит другую. Так и тут: надо открыть глаза и посмотреть, иначе будешь без конца представлять себе эту коробку с полусгнившей кошкой внутри.

И я снова медленно поднимаю веки, моргая от резкого света. Я лежу почти на том же месте, где меня свалил сон. Напротив, у другого борта лодки сидит спиной ко мне Кент и смотрит на море – похоже, все еще высматривает Терезу в бесконечной синеве, окружающей нас со всех сторон. Макушка у него ярко-красная, уже обгоревшая на солнце – редкие, коротко постриженные волосы, заметно поредевшие сверху, не спасают кожу от палящих лучей. Белая форменная рубашка расстегнута, под ней видна тонкая майка, аккуратно заправленная под ремень в шорты цвета хаки, которые не прикрывают его колени, тоже огненно-красные, как его макушка. Я поднимаю руки, чтобы потереть глаза ладонями, но, промахнувшись, несильно ударяю себя по носу, который тут же начинает характерно саднить – значит, и меня не миновал солнечный ожог.

Справа от меня спит Дейв. Он лежит, опустив голову на боковину плотa и спрятав лицо в сложенные руки, с каждой волной – а они сейчас совсем небольшие, не волны, а рябь – чуть приподнимаясь и снова опускаясь. Похоже, Дейв один из тех редких людей, кто обладает даром загорать, а не обгорать на солнце – талант тем более незаменимый, когда солнце нещадно палит с небес. Его спина также мерно опускается и поднимается в такт дыханию. Почему-то рядом с ним мне становится не так страшно.

Я начинаю перекатывать голову с одного плеча на другое, стараясь не отрывать при этом подбородка от груди. Движение дается мне мучительно тяжело, но зато отвлекает от всяких мыслей. Вдруг я замечаю рядом с Дейвом тканевый сверток и замираю, не закончив движения. Это же старомодный пиджак Маргарет лежит на скамье рядом с ним, и он какой-то слишком объемный и тяжелый даже с виду, чтобы быть совсем пустым.

Подползая к скамье, я чувствую, как ломит руки: будто перестаралась в спортзале накануне. А вот плечо болит иначе, это не знакомая мне боль, но у меня нет времени выяснять сейчас, что с ним. Сначала надо найти ее. С плечом разберусь потом, когда придет спасательная лодка.

Она лежит ногами к Дейву, а тот продолжает спать. Ее голова и плечи покрыты пиджаком, слегка порозовевшим в одном месте от крови, которую я промокала только вчера вечером. Я с усилием сглатываю: такое ощущение, что горло срослось изнутри.

Я не хочу вспоминать, как она выглядела вчера. Ее кровь, такая теплая, заливала мне руки, кожа на виске была разорвана, а когда я попыталась осмотреть рану, то увидела в глубине кость – это просвечивал ее череп. Мой пустой желудок сводит судорогой. Я не уверена, что мне хочется глядеть на то, что там, под пиджаком.

Но нет, посмотреть все-таки надо, в последний раз. Надо убедиться в том, что ее действительно нет в живых. Прошлая ночь слишком уж походила на кошмар: я должна знать, было ли все на самом деле или только привиделось мне. Дрожащей рукой я тянусь к белому свертку, касаюсь его кончиками пальцев; ткань залубенела от крови и соленой воды, она царапает мне кожу, когда я приподнимаю ее, ухватив большим и указательным пальцами.

Сначала я вижу волосы на ее макушке, они песочного цвета. Мягкие даже на вид, словно пушок одуванчика. Я хочу погладить их, но едва я приподнимаю пиджак повыше, как открываются другие пряди, толстые, жесткие, слипшиеся от запекшейся черной крови.

Нет, надо открыть ее разом и не тянуть, иначе я никогда не осмелюсь. Облизав губы, я впираюсь ногтями в полиэстер и, собрав остатки отваги, одним рывком сдергиваю с ее головы ткань. Пиджак падает мне на колени, а я заставляю себя не отводить глаз.

Я ждала увидеть кровавое месиво, выпученные застывшие глаза, кровь, лоскуты кожи, осколки костей... а вижу только спящую женщину. Кто-то перевязал ей голову и вымыл лицо. Глаза у нее закрыты, вид умиротворенный. Я провожу пальцем по незабинтованной

стороне ее лица, очерчиваю мимические морщины вокруг рта, эти скобки улыбок. В этот миг я люблю ее, как родную мать, и горюю так, как если б она и впрямь была мне мамой.

Вдруг что-то вспыхивает отраженным солнечным блеском. Золотая цепочка угнездилась в складках шеи Маргарет, затекла в ямку над ключицей. Та самая, на которой Маргарет носила обручальное кольцо Чарли. Всю жизнь. Плевать, что мне придется сейчас коснуться холодной, теряющей живую упругость кожи, погрузить пальцы в сухие и ломкие от кровавой корки волосы, чтобы найти застежку. Я должна снять с нее этот медальон. Теперь он принадлежит Джерри и должен вернуться домой.

Вглядываясь в золотую змейку, кровью и потом склеенную с ее телом, я вдруг замечаю, что она подрагивает, едва видимо. Игра света, наверное. Но нет, присмотревшись еще внимательнее, я замечаю то, чего не видела раньше: на шее Маргарет тонкой ниточкой бьется пульс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.